

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

© 2023 О.Ю. Панова

“Soviet Russia and the Negro”: Claude McKay in the Soviet Union, 1922–1923

© 2023 Olga Yu. Panova

УДК 82.-01

https://doi.org/10.54791/27823792_2023_4_7_66

Информация об авторе:

Ольга Юрьевна Панова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН; профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: olgapanova65@gmail.com

Ключевые слова: Клод Маккей, Советская Россия, травелог, мемуары, советско-американские литературные контакты, Коминтерн, Л. Троцкий, Г. Зиновьев, Корней и Николай Чуковские, архивные материалы.

Аннотация: В статье на основе опубликованных и архивных материалов реконструируется история пребывания в СССР афроамериканского поэта, писателя и публициста Клода Маккея (с начала ноября 1922 до начала июня 1923). Основными источниками, позволяющими воссоздать события этих семи месяцев, а также историко-литературный контекст, стали два текста Маккея о его русском путешествии – статья-травелог «Советская Россия и негр», вышедшая на рубеже 1923-1924 гг. во влиятельном

Information about the author:

Olga Yu. Panova, Doctor hab. of Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: olgapanova65@gmail.com

Keywords: Claude McKay, Soviet Russia, travelogue, memoir, Soviet-American literary contacts, Comintern, Leon Trotsky, Grigory Zinoviev, Korney and Nikolai Chukovsky, archival documents.

Abstract: The paper offers a detailed reconstruction of Claude McKay’s travel to the USSR (November 1922 – early June 1923). Two texts by Claude McKay describing his pilgrimage to revolutionary Russia – “Soviet Russia and the Negro”, his travel essay published in *The Crisis* (December 1923 – January 1924) and his memoir *A Long Way from Home* (1937) – help to recreate his seven month stay there, its historical and literary context. Facts stated by McKay are being checked, verified, specified and supplemented by referring to Soviet, American and Britain press, unpublished materials

журнале *The Crisis*, и мемуарная книга «Далеко от дома» (1937). Факты, изложенные самим Маккеем, верифицируются, корректируются и дополняются с помощью публикаций в американской, британской и советской прессе, неопубликованных материалов из фондов отечественных архивов, свидетельств современников, сохранившихся в воспоминаниях и дневниках. В Приложении в статье публикуются русский перевод статьи К. Маккея «Советская Россия и негр» и письмо Г. Зиновьева К. Маккею.

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393, «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке», <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>. Автор выражает искреннюю признательность Виктории Юрьевне Поповой за предоставленные неопубликованные материалы из архивов Санкт-Петербурга.

from Russian archives, memoirs and diaries of McKay's contemporaries. The Russian translation of Claude McKay's essay "Soviet Russia and the Negro" and Grigory Zinoviev's letter to McKay are published in the Addendum.

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Science Foundation, grant no 23-18-00393, "Russia and the West viewing each other: Literature at the intersection of culture and politics, XX century", <https://rscf.ru/en/project/23-18-00393/>.

The author expresses her sincere gratitude to Victoria Popova for providing unpublished materials from St.-Petersburg archives.

Принятые сокращения:

LWN – *McKay C. A Long Way from Home / Ed., introd. by G.A. Jarrett. New Brunswick, NJ; London: Rutgers University Press, 2007.*

SR&N – *McKay C. "Soviet Russia and the Negro." The Crisis. Vol. 17, nos 2–3. Dec. 1923 – Jan. 1924, pp. 61–65, 114–118.*

Афроамериканский писатель, поэт и публицист Клод Маккей провел в Советской России семь месяцев – с начала ноября 1922 г. до начала июня 1923 г. Спустя год после IV Конгресса Коминтерна (5 ноября – 5 декабря 1922), для участия в котором Маккей и приехал в СССР, в двух номерах (декабрь-январь 1923–1924 гг.) ежемесячного журнала *The Crisis*¹ была

¹ «*The Crisis*» (осн. 1910; ориг. название *The Crisis: A Record of the Darker Races*) был создан группой афроамериканских общественных деятелей, в т.ч. писателей и журналистов, как орган Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (НАСПЦН). Одним из его основателей и многолетним главным редактором

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

напечатана большая статья «негритянского делегата» «Советская Россия и негр» (“Soviet Russia and the Negro”) о его путешествии в страну Советов. Позже, по прошествии более десяти лет, Маккей опубликовал книгу воспоминаний о своих поездках по разным странам мира «Далеко от дома» (*A Long Way from Home*, 1937)¹. В этой мемуарной книге он отвел своему пребыванию в России четвертый раздел «Волшебное паломничество» (Magic Pilgrimage), включающий 7 глав (14–20). Два рассказа об этом путешествии, написанные с интервалом более десяти лет, заметно отличаются друг от друга, и эта разница определяется не только объемом и содержанием (раздел мемуарной книги – повествование гораздо более развернутое, полное, детальное), но и прагматикой текста. В мемуарах, писавшихся в тот период, когда Маккей уже отходит от увлечения коммунизмом и большевизмом, расстается с иллюзией, что марксизму под силу разрешить расовый вопрос, главным является собственно рассказ о русском путешествии, и в итоге появляется содержательное, живое и увлекательное повествование, несомненные литературные достоинства которого позволяют определить его как художественно-документальное. Статья для *The Crisis*, писавшаяся «по горячим следам», – это не только травелог, но и образчик злободневной, остросоциальной публицистики, что соответствовало профилю самого влиятельного и читаемого негритянского журнала США. Маккей мог рассчитывать на самую широкую, в том числе и «высоколобую» аудиторию черных и цветных американцев и стремился не только информировать читателей о происходящем в России, но и обратить их в свою веру.

Маккей не случайно начинает свою статью с вопроса о пропаганде и литературе. Как поэт он прославился после публикации стихотворения «Коль умереть нам суждено...» (“If We Must Die”) в журнале Макса Истмена *The Liberator* в июльском выпуске 1919 г. Этот гимн протеста, полный гнева, боли и решимости, появившийся в разгар «красного лета» (Red Summer) – кровавых расовых беспорядков, сотрясавших США летом-осенью 1919 года, – стал визитной карточкой Маккея, в том числе и в России. В том же 1919-м Маккей из США отправляется в Лондон и везет с собой рекомендательные письма своих американских друзей к британским товарищам, в том числе письмо Уолтера Фуллера (англичанина, мужа извест-

---

был У.Э.Б. Дюбуа (1910–1934). В 1910–1920-е – самый влиятельный афроамериканский журнал общественно-политической, экономической и культурной тематики. Название журнала восходит стихотворению У. Рассела Лоуэлла «Нынешний кризис» (“The Present Crisis”, 1854) об американо-мексиканской войне.

¹ В качестве названия взята строка из известного спиричуэлс «Дитя без матери»: “Sometimes I feel like a motherless child / A long way from home”.

ной суфражистки, социалистки Кристал Истмен, сестры Макса Истмена) Чарльзу Огдену – писателю, лингвисту, философу, создателю «Общества еретиков» (осн. 1909) и журнала *Cambridge Magazine* (1912–1922). Маккей и Огден, у которых было много общего во взглядах, быстро прониклись взаимной симпатией, и Огден стал помогать новому другу с публикациями: он поместил большую поэтическую подборку из 23 стихотворений Маккея в своем журнале (*Cambridge Magazine*, 1920, Vol. 10, no 1) и свел его с издателем, который выпустил поэтический сборник Маккея «Весна в Нью-Гэмпшире»¹. Однако несмотря на свои левые взгляды, интеллектуальную смелость, склонность к иконоклазму, Чарльз Огден не принимал ангажированную, протестную и революционную поэзию Маккея, в том числе и самое знаменитое его стихотворение «Коль умереть нам суждено», и настаивал на исключении этих опусов и из журнальной подборки, и из сборника. Возражал он и против названия сборника, предложенного Маккеем, – «Песни борьбы» (*Songs of Struggle*). Маккей пошел на уступки ради того, чтобы британское издание его стихов все же состоялось, но внутренне не смирился с этим компромиссом и всегда считал его своей ошибкой и проявлением слабости².

Клод Маккей приехал в СССР с вполне сложившимися левыми убеждениями, без пяти минут коммунистом, и хотя главным для него всегда был расовый, а не классовый вопрос, он любил при случае подчеркнуть свое «рабоче-крестьянское происхождение»: в статье для *The Liberator* о своем пребывании в Британии (1919–1920) он называет себя «прокаженным в глазах общества, представителем расы изгоев и класса изгоев» (a social leper, a race outcast from an outcast class)³. Перед поездкой в Лондон Маккей провел в США семь лет и постоянно ощущал себя «чернокожим пролетарием», который вынужден зарабатывать на жизнь физическим трудом – официантом, посудомойщиком, стюардом-проводником в железнодорожной компании⁴.

¹ McKay C. *Spring in New Hampshire and Other Poems*. London: Grant Richards, 1920.

² См.: James W. *A Race Outcast from an Outcast Class: Claude McKay's Experience and Analysis of Britain // West Indian Intellectuals in Britain / ed. B. Schwartz*. Manchester: Manchester University Press, 2018, pp. 77–79.

³ McKay C. *How Black Sees Green and Red // The Liberator*. 1921. July. Vol. 4. No 6, pp. 17–19.

⁴ См. предисловие М. Истмена к поэтическому сборнику К. Маккея «Тени Гарлема»: *Eastman M. Introduction // McKay C. Harlem Shadows: The Poems of Claude McKay*. New York: Harcourt, Brace, 1922, pp. xvi–xvii.

Уроженец Ямайки и британский подданный Клод Маккей (наст. имя Фестус Клаудиус Маккей, 1890, Кларендон, Ямайка – 1948, Чикаго, США) происходил из зажиточной крестьянской семьи, получил хорошее школьное образование. К левым взглядам (социализм, феминизм, антиколониализм, скептический рационализм и атеизм) его приобщил старший брат, студент педагогического колледжа Юрая Теодор («Ю. Тео»), который позже стал школьным учителем, известным и уважаемым в профессиональном учительском сообществе Ямайки. В 1912 г. Маккей отправился в США, намереваясь получить сельскохозяйственное образование в Институте Таскиги – престижном высшем учебном заведении для афроамериканцев, созданном Букером Т. Вашингтоном, влиятельным политиком и общественником, просветителем, литератором, лидером негритянского народа Америки. Однако Маккей проучился там недолго: его сразу стала удручать «машина Таскиги» с ее строгой иерархией, дисциплиной, механистичным и прагматичным духом, Маккей перевелся в Канзасский сельскохозяйственный колледж, а в 1914 г., разочаровавшись в выбранной специальности, вовсе бросил обучение и переехал в Нью-Йорк. Еще будучи на Ямайке, Маккей, благодаря знакомству с Уолтером Джекилом – известным собирателем и знатоком фольклора, издал поэтический сборник «Песни Ямайки» (*Songs of Jamaica*, 1912) на ямайском креольском диалекте патуга. Продолжением его поэтической карьеры в США стала публикация стихотворений в нативистском журнале *Seven Arts* (1917; подписаны псевдонимом Эли Эдвардс). В 1918 г. Маккей познакомился с Фрэнком Харрисом, редактором *Pearson's Magazine*, в сентябрьском номере которого за 1918 г. появились стихи Маккея. В 1919 г. состоялось знакомство с Максом Истменом и его сестрой Кристал. По приглашению Истмена Маккей начинает печататься в *The Liberator* и работает там редактором – до закрытия журнала в 1922 г. В этот же период Маккей становится «уоббли» – вступает в ИРМ, международную организацию «Индустриальные рабочие мира» (*Industrial Workers of the World – IWW, Wobblies*, осн. 1905).

Во время первого пребывания Маккея в США три фактора обусловили его радикализацию и рост интереса к марксизму и коммунизму. Один из них – мировая война, воспринятая Маккем как торжество «слепой, грубой силы, первобытного хищничества, которые таятся в самой сердцевине цивилизованного общества» (*blind brute forces of tigerish tribalism which remain at the core of civilized society*), когда «брат шел на брата, друг на друга» (LWH: 47). Другим фактором стала русская революция, которая сразу привлекла внимание Маккея, и вскоре он стал убежденным апологетом большевистского социального эксперимента. Накануне второй годовщины

Октября он вел дебаты об этом событии с черными националистами – последователями Маркуса Гарви. В письме в газету *Negro World* (орган движения Гарви) Маккей заявлял:

Каждый негр, который претендует на лидерство, должен изучать большевизм и объяснять его смысл массам цветных. Это величайшая и самая научная идея из всех, что распространяются сегодня в современном мире, и пролетариат легко может воплотить ее на практике для улучшения материальных и духовных условий жизни. Большевизм <...> обеспечил евреям безопасность в России. Он избавил крестьян от попов и бюрократов, которые больше не могут подстрекать славян истреблять евреев и тем самым поддерживать свою прогнившую социальную систему. Он, быть может, способен обеспечить неграм безопасность в этих Соединенных Штатах¹.

Наконец, еще один фактор – расизм, с которым Маккей столкнулся в США, в первую очередь на американском Юге, сразу по приезде – особенно поразила его сегрегация на транспорте и в общественных местах. После «красного лета» 1919 года он принимает решение отправиться в Британию – и в этом его поддерживали американские коллеги и друзья.

Сразу по прибытии в Лондон, осенью 1919-го Маккей знакомится с социалисткой, суфражисткой Сильвией Панкхерст и начинает сотрудничать с ее партией «Рабочая социалистическая федерация» (*Workers' Socialist Federation*) и ее журналом *Workers' Dreadnought*, присутствует на собраниях Международного социалистического клуба (*International Socialist Club*), где знакомится с рабочими и профсоюзными лидерами, представителями левой прессы, в том числе с Джорджем Лэнсбери, редактором социалистической газеты *Daily Herald*, посещает клуб «Друри-лейн», учрежденный YMCA для черных и цветных военных – афроамериканцев и солдат колониальных войск. Также Маккей бывает в «Клубе 1917» в Сохо, созданном участниками кружка Блумсбери; в этом клубе часто бывали Леонард и Вирджиния Вулф, Литтон и Джеймс Стрэчи, а также Чарльз Огден. Тем не менее, и в Британии Маккей повсюду замечает проявления «англо-саксонского расизма» и, шире, европейского расизма – и на идейном, и на бытовом уровне². Естественно, эта тема

¹ *Negro World*. 1919. Sept. 20. См. об этом: *James W. A Race Outcast from an Outcast Class*, p. 73.

² См., напр., описанный Маккеем случай в Лондоне на соревнованиях по боксу (LWH: 59–60).

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

становится ведущей в его публицистике 1919–1921 гг. Так, он участвует в обсуждении расового аспекта Рейнского вопроса.

В ходе Рурского восстания рабочих в середине марта 1920 г. была создана Рурская Красная армия (РКА), которая в течение недели заняла Эссен, Дюссельдорф и еще ряд городов. 3 апреля 1920 г. 20-тысячная немецкая правительственная армия вошла в Рурскую область и завязала бои с РКА. Ввод германских войск в демилитаризованную и частично оккупированную Антантой (левобережье Рейна) Рейнскую зону нарушал условия Компьенского перемирия (11.11.1918) и Версальского мира. 4 апреля французские войска форсировали Рейн и заняли Франкфурт, Дармштадт, Ганау, Хомбург. В апреле 1920 г. социалистическая *Daily Herald* откликается на начало Рурского конфликта серией публикаций, направленных против присутствия французских войск в Руре. В первой публикации от 9 апреля на первой полосе газеты печатается репортаж «Кровопролитие во Франкфурте: французские чернокожие войска стреляют по гражданским из автоматов» ('Frankfurt Runs With Blood / French Black Troops Use Machine Guns on Civilians'). На следующий день, 10 апреля, в газете появилась статья журналиста, политика и известного пацифиста Эдмунда Д. Морела «Черные – бич Европы: сексуальный террор, развязанный французами на Рейне» ('Black Scourge in Europe: Sexual Horror Let Loose by France on the Rhine'), в которой автор обращался к наболевшему вопросу об участии французских колониальных (африканских) частей, в первую очередь сенегальских стрелков, в оккупации Рейнланда.

Во время Первой мировой немецкая пресса создавала негативный образ французских колониальных войск, которые представляли дикарями, канибалами. Во время оккупации левобережья Рейна, начавшейся в конце 1918 г., африканских солдат обвиняли в совершении массовых изнасилований немок, в убийствах и грабежах. В Германии нагнеталась паника – этот феномен получил название «позор черных» (die schwarze Schande или die schwarze Schmach)¹. Э.Д. Морел в статье, напечатанной в *Daily Herald*, от-

¹ Известно, что некоторые немки выходили замуж за чернокожих солдат; появлялись и незаконнорожденные дети, которые получили презрительную кличку («рейнландские ублюдки»). В период Третьего рейха рейнландских полукровок насильственно стерилизовали. См., напр.: *Campt T. Other Germans: Black Germans and the Politics of Race, Gender, and Memory in the Third Reich*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2004; *Roos J. Women's Rights, Nationalist Anxiety, and the "Moral" Agenda in the Early Weimar Republic: Revisiting the "Black Horror" Campaign against France's African Occupation Troops // Central European History Journal*. 2009. Sept. Vol. 42. No 3, pp. 473–508.

давал дань расистским стереотипам о неграх как сексуальной угрозе для белой расы. В редакторской заметке, сопровождавшей статью, Джордж Лэнсбери подчеркивал, что газета против расовых предрассудков, но при этом сам воспроизводил некоторые распространенные представления о «недоцивилизованности» и гиперсексуальности черной расы. 11 апреля Маккей прислал в редакцию *Daily Herald* письмо с критикой статьи Э. Морела. Лэнсбери не стал его печатать и даже не ответил Маккею, который тогда отправил свой материал Сильвии Панкхерст, и вскоре ответ Маккея Морелу и *Daily Herald* появился в *Workers' Dreadnought*¹. Маккей был поражен тем, что столь явная расистская пропаганда могла появиться в социалистическом журнале и распространяться среди рабочих: по прошествии полугода на съезде английских профсоюзов в сентябре 1920-го участникам раздавались листовки со статьей Морела, и в поддержку этих идей выступил ряд рабочих лидеров, в том числе руководитель Федерации шахтеров Роберт Смилли, которого Маккей хорошо знал лично и высоко ценил². К теме Рурского конфликта Маккей вернется в 1923 году, во время своего пребывания в СССР.

В Лондоне сбылась давняя мечта Маккея – познакомиться с Бернардом Шоу, который стал его кумиром еще в школьные годы. Фрэнк Харрис, редактор *Pearson's Magazine*, снабдил Маккея рекомендательным письмом к знаменитому драматургу. Свой визит к Шоу домой (10 Adelphi Terrace), состоявшийся в 1920 г., Маккей подробно описал в 5-й главе («Приключения в поисках Бернарда Шоу») своих мемуаров «Далеко от дома». В частности, Маккей передает следующие сказанные ему слова Шоу:

Должно быть, для чувствительного негра быть поэтом – это трагедия. Почему Вы не выбрали кулачный бой вместо поэзии в качестве профессии? <...> Благодаря тренировкам из Вас мог бы получиться преуспевающий боксер. А поэты всегда бедствуют, если у них нет империи, которую они, подобно Киплингу, могли бы прославлять и рекламировать» (LWH: 52–53).

Маккею было важно, что Шоу поддерживал русскую революцию:

Спустя некоторое время после моего визита к Шоу, я отправился слушать его лекцию в Кингсуэй-холл, где он открыто заявил, что верит в Ленина.

¹ *McKay C. The Black Man Replies // Workers' Dreadnought. 1920. April 24.*

² Маккей опубликовал статью о Р. Смилли в в журнале С. Панкхерст (под псевдонимом): *C.E. Edwards [McKay C.]. Robert Smillie // Workers' Dreadnought. 1920. August 14.*

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

Со мной был Уильям Галлахер, который сейчас стал коммунистом-членом парламента¹. Когда настало время вопросов, Галлахер сказал, что для Шоу хвалить Ленина в теории – это очень хорошо, но рабочим нужны практические действия. На это Шоу ответил, что практические действия – это очень хорошо, но лично он уже в таком возрасте, что предпочел бы предоставить действие молодым людям, вроде Галлахера (LWH: 54–55).

Будучи в Британии, Маккей опубликовал в социалистическом журнале Сильвии Панкхерст стихотворение ««Святой» Руси»:

Long struggling under the Imperial heel,
Some dared not see the white flame of your star
Dimmed by the loathsome shadow of your Tsar.
But men who clung to sacred dreams could feel

Some day you would put forth your arm of steel
And drag the mannikins from near and far,
Before the mighty people's judgment bar,
To answer for the ruined commonweal . . . .

Down from their high, dishonoured place you hurled
The cowed, incompetent, corrupted few;
The blood-bathed flag of a new life unfurled,

Revealed your soul to Slav and Jew:
The eyes of the too-long submissive world,
Lifted in golden hope, are turned to you!²

Маккей пишет о «священной мечте», «золотой надежде», «новой жизни», в которой уже нет места вражде «славянина и еврея» – и он верит, что большевизм может принести освобождение также и неграм, покончить с расизмом.

¹ Уильям Галлахер (William Gallacher, 1881–1965) – шотландский профсоюзный активист, один из основателей британской компартии и лидеров т.н. «Красного Клайдсайда» (Reid Clydeside, 1910–1930) —периода массового подъёма и радикализации рабочего движения в Великобритании, и в Шотландии в частности. Депутат Палаты общин (1935–1950), возглавлял компартию Великобритании (1956–1963).

² *McKay C.* To 'Holy' Russia // *Workers Dreadnought*. 1920. February 28.

В первый раз речь о приезде Маккея в Советскую Россию зашла в 1920 году, когда Джон Рид рекомендовал Ленину пригласить чернокожего поэта на Третий Конгресс Коминтерна (22 июня – 12 июля 1921) в качестве делегата, способного достойно выступить по негритянскому вопросу¹. Однако в октябре 1920-го Джон Рид умер, и поездка Маккея не состоялась. В начале 1921-го Маккей вернулся из Британии в США. В течение полутора лет, предшествовавших его советской одиссее, он продолжает дрейф ко все более радикально левой позиции: продолжает сотрудничать с ИРМ и *The Liberator*, активно участвует в деятельности Африканского кровного братства по освобождению и возвращению африканцев (African Blood Brotherhood for African Liberation and Redemption – АБВ)².

Осенью 1922 года Маккей решает отправиться в Россию на IV Конгресс Коминтерна – как он подчеркивает, по собственному почину, в качестве сочувствующего коммунистическому движению представителя угнетенного расового меньшинства. В поисках денег Маккей обратился к знаменитому писателю, поэту и дипломату Джеймсу Уэлдону Джонсону, который в тот момент занимал пост секретаря НАСПЦН. При поддержке НАСПЦН, Макса и Кристал Истменов и журнала *The Liberator* была организована рекламная кампания по продаже только что вышедшего поэтического сборника Маккея «Тени Гарлема» (*Harlem Shadows*, 1922), но, разумеется, покрыть расходы на путешествие за счет собранной суммы было нельзя. Перед отъездом друзья, белые и черные, устроили для Маккея прощальную вечернику – на ней были в числе прочих Дж Уэлдон Джонсон,

¹ См.: Carew J.G. Translating Whose Vision? Claude McKay, Langston Hughes, Paul Robeson and the Soviet Experiment // *Intercultural Communication Studies*. 2014. Vol. XXXIII. No 2, p. 4; Cooper W.F. Claude McKay: Rebel Sojourner in the Harlem Renaissance: A Biography. Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press, 1987, p. 107.

² Африканское кровное братство, организация, созданная в 1919 г. в Нью-Йорке Сирилом Бриггсом (Cyril V. Briggs, 1888–1966), журналистом, активистом, выходцем из Вест-Индии, изначально ставило своей целью деколонизацию Африки, репатриацию «черной дисапоры» на африканский континент и солидаризовалось с Маркусом Гарви и его UNIA, однако после «красного лета» 1919 года лидеры АБВ С. Бриггс и К. Маккей сменили основной вектор и стали рассматривать Братство как организацию по борьбе с расизмом и самозащите от насилия – линчеваний и расправ в ходе расовых беспорядков, включая и вооруженное сопротивление белому террору. С 1920 года АБВ окончательно размежевывается с гарвизмом и берет курс на сближение с коммунистами, который заканчивается слиянием Братства с компартией США в 1922-м.

У. Дюбуа, романистка и литературный редактор журнала *The Crisis* Джесси Фосет, писатель и активист, видный член НАСПЦН Уолтер Уайт, редактор *The Bookman* Джон Фаррар, известная суфражистка Рут Хейл и ее муж, журналист Хейвуд Броун. Чтобы добраться из США до Британии Маккей нанялся кочегаром на грузовое судно, идущее из Нью-Йорка в Ливерпуль. Из Ливерпуля он направился в Лондон, где встретился со знакомыми из Международного социалистического клуба, узнал, кто из британских коммунистов готовится ехать на Конгресс Коминтерна и обратился к Артуру Макманусу, влиятельному участнику «Красного Клайдсайда», с просьбой о включении в британскую делегацию. Однако в этой просьбе ему было отказано – согласно версии самого Маккея, это произошло из-за разногласий в британском левом движении: просоветски настроенные британские коммунисты не хотели принимать в свою компанию бывшего участника группы Сильвии Панкхерст. Формальной причиной стало требование «рекомендации от компартии США» (LWH: 122–123). Маккей отправился в Берлин, где отыскивал сотоварища по работе с «группой Панкхерст», который помог ему получить русскую визу, и вскоре отплыл из Штеттина в Петроград.

В мемуарах 1937 года, говоря о прибытии в Петроград, Маккей размышляет о судьбе России прошлой и новой, символами которой становятся для него Петр Великий и Ленин:

Петроград! Ленинград! Когда я думаю об этом великом городе, подобном мощному дереву, до самых корней потрясенному ураганом и все же устоявшему, когда я думаю о гордом Медном всаднике – памятнике Петру Великому, запечатлевшем мощные свершения диктатора, я чувствую, что поэзия прекрасного имени утрачена, его радужные сияющие краски выцвели, когда Петроград был переименован в Ленинград.

Ленин мощнее Петра Великого. Но в имени «Ленинград» нет магии. Есть магия в имени «Ленин», есть блистательное великолепие в слове «Москва». Быть может, сам Ленин, посвятивший свою жизнь идее сотворения славного нового мира, предпочел бы оставить Петроград Петроградом – как признание стремления Петра Великого изменить страну и народ. <...>

Я видел Петроград! Он был, как огромное дерево, которое до самых корней потряс ураган, в которое ударила молния, но которое все же устояло. Осенний Петроград, наполовину опустевший и немного грустный. Я видел памятники царям и аристократам, валяющиеся в грязи, сброшенные пролетарскими массами. Но массы сохранили в неприкосновенности прекрасный и гордый памятник Петру Великому, мощный символ индивидуальной воли и величия (LWH: 124).

К. Маккей и М. Истмен. Москва. Февраль 1923. Источник: Richard M. Whitney. *Reds in America* (New York: Beckwith, 1924).

Конгресс открывался 5 ноября, его открытие совпадало с празднованием пятилетия революции. Встретившись в Петрограде со своим другом Максом Истменом, Маккей участвует в торжествах, он вдохновлен теплым приемом, энтузиазмом и праздничной атмосферой:

Петроград был великолепен, весь в красных флагах и вымпелах. Красные флаги на фоне снега, на высоких гранитных зданиях. Украшено было все – поезда, автомобили, фабрики, магазины, гостиницы, школы. Это было торжество, в котором активно участвовал и я, представитель негритянской расы. Меня принимали так, словно давно ждали моего приезда. Когда 7 ноября мы с Максом Истменом пытались протиснуться сквозь плотную толпу на Тверской, крепкие молодые люди подхватили меня и стали качать, подбрасывая в воздух... вскоре я был уже нарасхват – лекции перед поэтами и журналистами, митинги среди рабочих и солдат. Постепенно я осознал, что меня чествовали как символ, как представителя американских негров... которых в моем лице радостно приветствовали освобожденные советские рабочие (SR&N: 65).

После торжественного открытия 9 ноября Конгресс должен был продолжиться в Москве и работать там вплоть до закрытия – до 5 декабря. Маккей отправляется в столицу Советской России и обращается в Комин-

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

терн с просьбой разрешить ему присутствовать на заседаниях Конгресса в качестве независимого наблюдателя. Однако он столкнулся с препятствиями, которые едва не разрушили все его планы – фронт со стороны делегации от американской компартии. В своих воспоминаниях Маккей оставил весьма язвительное описание раздираемой противоречиями американской делегации и царившей в ней атмосферы:

Вскоре меня вернули с небес на землю: после романтической атмосферы я столкнулся лицом к лицу с суровой реальностью в лице делегации американских коммунистов. Я имел наглость и бесстыдство явиться в Россию вместе с несколькими британскими делегатами. <...> Мое присутствие вызвало отторжение. Американской делегации я был тут не нужен. Делегация представляла Америку, а я приехал с другими коммунистами как гость Четвертого Конгресса. Мне надо было, чтобы делегация одобрила меня в качестве неофициального гостя. Но руководитель делегации¹ отказал мне в этом. Он хотел, чтобы меня выслали из России и отправили обратно домой.

В американской делегации шла яростная борьба. Меньшинство, лидером которого был Джеймс Кэннон², хотело, чтобы американская компартия была легальной и могла открыто вести пропаганду среди американских рабочих. Большинство, во главе с руководителем делегации, боролись за то, чтобы партия оставалась на нелегальном, подпольном положении (LWN: 125–126).

Маккея выселили из «Люкса» – гостиницы Коминтерна на Тверской, и он был вынужден снять комнату в коммуналке: он оказался «в ответ-

¹ Джон Карр (John Carr), настоящее имя – Людвиг Эрвин Альфред Каттерфилд – «Голландец» (Ludwig Erwin Alfred “Dutch” Katterfeld, 1881–1974) – заметный деятель американской компартии, занимавший там ряд ответственных должностей и бывший, в числе прочего, представителем в Коминтерне.

² Джеймс Патрик Кэннон (James Patrick Cannon, 1890–1974) – уроженец Канзаса, сын ирландских эмигрантов, член социалистической партии США (с 1908) и ИРМ (с 1911), ученик и последователь знаменитого «убобли» «Биг Билла» Хейвуда. С момента образования компартии США (1920) входил в группу Чарльза Э. Рутенберга и вместе с ним был главным инициатором создания легальной части компартии – Рабочей партии Америки (Workers’ Party of America – WPA, осн. декабрь 1921), существовавшей одновременно с подпольной частью организации. В 1920-х занимал ответственные должности в Коминтерне, американской компартии и близких к ней организациях, в т.ч. был членом исполкома общества «Друзья советской России» (Friends of Soviet Russia, осн. 1921). С конца 1920-х, особенно после поездки в СССР в 1928 г., перешел в лагерь сторонников Троцкого.

К. Маккей и Сен Катаяма
на Четвертом конгрессе Коминтерна.
Москва, 1922. Источник: РГАЛИ. Ф. 2854.

тетному японскому коммунисту делегату Конгресса Сен Катаяме, который имел большой вес в Москве и был тесно связан с американским левым движением, в частности, с кругом Джона Рида. Катаяма быстро уладил проблему, подтвердил компетентность Маккея в области негритянского вопроса, как и его право выступать от лица негритянского пролетариата². В итоге Маккей был включен в списки делегатов, получил пропуск на заседания Конгресса и вернулся в гостиницу «Люкс». В воспоминаниях Маккей подробно пишет о Сен Катаяме и, в частности, сообщает, что познакомились они благодаря *The Liberator*, что Сен Катаяма учился в США в негритянском университете Фиска, а в Москве – в Коммунистическом университете

шавшем здании, в темном, мрачном переулке»: «В голлой комнате был только армейский матрац, в ней царил степной холод – окно было разбито, и оттуда шел поток сибирского воздуха»¹. Теплолюбивому гостю пришлось срочно бежать в магазин и обзавестись одеялами и парой валенок. Жившая в соседней комнате русская семейная пара утешила его, заверив, что «тысячи русских живут гораздо хуже» (LWH: 128).

Приобщившись к условиям жизни советских трудящихся масс, Маккей, тем не менее, не собирался сдаваться, и вскоре нашел способ добиться своего. Он обратился за помощью к своему знакомому, авторитетному

¹ Ibid.: 128.

² См.: *Carew J.G.* Translating Whose Vision?, p. 4; *Cooper W.F.* Claude McKay, pp. 173–174; *Gosciac J.* Claude McKay and the “Black Specter” of African American Poetry in the 1920s // *Modernism on File: Writers, Artists, and the FBI, 1920-1950* / eds C.A. Culleton, K. Leick. New York: Palgrave Macmillan, 2008, p. 80.

О. Хьюисвуд и К. Маккей на Четвертом конгрессе Коминтерна.
Москва, 1922. Public Domain.

трудящихся Востока – КУТВ, который Маккей посетил вместе со своим японским другом (LWH: 157–158). Особенно важным было для Маккея обостренное внимание Сен Катаямы к расовой и, в том числе, негритянской проблеме, он подчеркивал, что японский коммунист постоянно поднимал эти вопросы в Коминтерне (LWH: 140–141).

Официальным негритянским делегатом от США был уроженец Суринама коммунист Отто Э. Хьюисвуд (зарегистрированный на Конгрессе под партийным псевдонимом «Дж. Биллингс»), член Африканского кровного братства, вступивший в компартию США летом 1922 г.¹ Маккей не слишком доброжелательно отзывается об этом «делегае-негроиде, светлокожем

¹ См. о нем: *Enckevort M. van. Otto Huiswood: Political Praxis and Anti-Imperialism // St. Martin Studies. 2006. No 1–2. http://consultants2006.tripod.com/st_martin_studies_2006.1-2.htm#_Toc155903776; Carew J.G. Blacks, Reds, and Russians: Sojourners in Search of the Soviet Promise. Trenton: Rutgers University Press, 2009, p. 25; Carew J.G. Translating Whose Vision?, p. 5.*

Выступление К. Маккея на Четвертом конгрессе Коминтерна.
Тронный зал московского Кремля. 1922. Public Domain.

мулате» (LWH: 125) и подчеркивает, что тот вначале презирал своего черного собрата, но потом стал искать его общества: ведь только когда они находились рядом, полукровка Хьюисвуд воспринимался окружающими как цветной – а быть черным и цветным оказалось престижным в столице большевиков (LWH: 133–134). Такое проявление гордости чистокровного представителя африканской расы подогревалось доброжелательным интересом, который Маккей именно в этом качестве встречал повсюду в России. Восторженному приему, который ждал его в стране Советов, посвящена 15-я глава воспоминаний Маккея «Личный триумф».

Ни разу в жизни не был я так горд тем, что я – черный, африканец. <...> Я триумфально шествовал из Москвы в Петроград и из Петрограда в Москву – сюрприз за сюрпризом, сопровождаемый щедрыми приветствиями со всех сторон (LWH: 132).

Благодаря колоритной внешности Маккей был объектом внимания фотографов: было сделано много снимков, в том числе и знаменитая фотография, запечатлевшая его выступление в Тронном зале Кремля. Исследователи подчеркивают, что темнокожий делегат стал орудием советской

А. Голичер, К. Цеткин и К. Маккей в Москве
на Четвертом конгрессе Коминтерна. 1923. Public Domain.

пропаганды¹; по свидетельству самого Маккея, на это ему неоднократно указывал его сотоварищ Хьюисвуд; однако поэт вовсе не считал это унижительным, а, напротив, был польщен:

...мое черное лицо, запечатленное на фотографиях вместе лицами советских руководителей, было повсюду – на центральных улицах, на стенах домов... меня фотографировали вместе с популярными лидерами мирового коммунизма – Зиновьевым, Бухариным, Радеком, Кларой Цеткин, Сен Катаямой, Роем, с офицерами советского флота, армии и военно-воздушных сил, с красными кадетами...; с профессорами и академиками; с детьми Москвы и Петрограда; с делегатами из Египта, Индии, Японии, Китая, Алжира (LWH:134).

Маккей благодушно относился к такому вниманию (более того, оно ему льстило), потому что не считал его проявлением расизма – а, наоборот, доброжелательного интереса, и, главное, поскольку он воспринимал этот те-

¹ Baldwin K.A. *Beyond the Color Line and the Iron Curtain: Reading Encounters Between Black and Red, 1922–1963*. Durham, NC: Duke University Press, 2002, p. 39; Carew J.G. *Translating Whose Vision?*, p. 4.

AN INTERNATIONAL GROUP INCLUDING A CHINESE, RUSSIAN JEW, NEGRO, RUSSIAN GENTILE, BULGARIAN, HINDU, AMERICAN MULATTO, ALGERIAN, JAPANESE, ARMENIAN, KOREAN, AND WHITE AMERICAN

Делегаты Четвертого конгресса Коминтерна:
К. Маккей, Н. Бухарин, Сен Катаяма и др. 1922. Public Domain.

пный прием как выражение братского чувства солидарности с угнетенной негритянской расой.

В 16-й главе своих воспоминаний Маккей подробно описывает первое заседание Конгресса в Москве, в Большом театре, рассказывает, как вначале он сел было рядом с Мартином Андерсенем-Нексе, но его тут же забрали в Президиум и усадили вместе с Максом Истменом и председателем ИККИ Г. Зиновьевым, причем последний лично просил его произнести речь от лица американских негров (LWH: 135–136). Оба негритянских делегата – и коммунист Хьюисвуд-Биллингс, и «сочувствующий» Маккей – выступили по «негритянскому вопросу», внесенному в повестку Конгресса. Хьюисвуд заявил о необходимости объединения трудящихся негритянской расы как в США, так и в Африке для борьбы с империализмом и колониализмом и созыва в Москве конгресса негритянских организаций. Маккей начал выступление напоминанием о том, что он не политик, а поэт, упомянул свое самое знаменитое стихотворение «Коль умереть нам суждено». Он назвал негров «расой земледельцев, лесорубов и водоносов»,

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

которая не может не разделять главную цель Коминтерна – освобождение трудящихся во всем мире, и отметил, что мировая буржуазия, стараясь воспрепятствовать революционному движению, разыгрывает «карту расового вопроса», разжигая предрассудки и раскалывая единство рабочего движения. Тексты выступлений Хьюисвуда и Маккея были напечатаны в органе Коминтерна «Инпрекоре», а резюме выступлений помещены также и в советской прессе¹. Также в «Известиях» была напечатана беседа корреспондента газеты с «товарищем Маккеем». Корреспондент так представил гостя Конгресса:

Тов. Клод Маккей – негр, учившийся в Америке; в настоящее время он находится в России с целью, главным образом, оказаться полезным в изучении негритянского вопроса; тов. Маккей – журналист и поэт, его специальность – агрикультура, он окончил сельскохозяйственную академию².

В этом довольно большом материале Маккей описывает дискриминацию негров в США, приводя статистику и аналитические выкладки, приводит неутешительные данные о положении дел в системе образования, рассказывает о линчеваниях, сегрегации, негативно характеризует деятельность негритянских организаций – Национальной Городской лиги (National Urban League, осн. 1910) и движения Маркуса Гарви – деятельность которых «может только способствовать ослаблению революционизирования негритянских масс». При этом Маккей подчеркивает отсталость и пассивность афроамериканцев, утверждая, что от них не стоит ждать в ближайшем будущем никакой революционной активности: «...негр – это затравленный парий, в настоящее время, по крайней мере ни о каком самостоятельном политическом движении, а тем более движении революционном среди совершенно несознательных масс черных рабов, в жизни и смерти каждого из которых волен всякий белый, не может быть и речи». Маккей характеризует дискриминацию как «неравенство буквально во всем и буквально на каждом шагу»; беседа заканчивается его эмоциональным восклицанием: «Нас за людей не считают – поймете ли вы это?»

¹ Негритянский вопрос. Доклад т. Биллингса. Речь т. Маккея // Известия. 1922. 26 ноября; Правда. 1922. 26 ноября; Report on the Negro Question. Billings. McKay // International Press Correspondence. Vol. III. No 2. 5 Jan. 1923, pp. 14–17; McKay C. The Racial Issue in the USA // International Press Correspondence. Vol. II. No 101. Nov. 21, 1923, pp. 817.

² Бор. М. Расовый вопрос в Америке. Беседа с тов. Клодом Маккей // Известия. 1922. 18 ноября.

На Конгрессе была принята разрабатывавшаяся ИККИ с начала 1922 г. «Резолюция по негритянскому вопросу» – о положении негров и задачах Коминтерна в связи с негритянским вопросом в Африке и Северной Америке; снова была подчеркнута необходимость проведения в Москве «всеобщего негритянского съезда»¹. Сразу после Четвертого Конгресса было учреждено Негритянское бюро Коминтерна, с мая 1923 г. начались его регулярные заседания.

* * *

После Конгресса Маккей решил задержаться в России. Он был в числе первых гостей, на которых «обкатывались» программы и маршруты «культпоказов». В 1922–1923 гг. ритуал советского гостеприимства только начинает складываться, но его основные контуры уже вырисовываются. В своих воспоминаниях Маккей упоминает о посещении фабрик и заводов, советских учреждений (загсы, суды, больницы), органов власти – наркоматов и советов – городских (Моссовет, Петросовет) и районных, о «культпоходах» (музеи, театры, знакомство с памятниками архитектуры). Однако в отличие от второй половины (и даже середины) 1920-х, иностранные гости тогда еще пользовались большой свободой передвижения и общения, нередко бывали предоставлены сами себе и могли почти без ограничений выбирать, куда пойти и с кем встретиться. Круг общения Маккея был достаточно широким, причем в нем оказывалось немало людей, недовольных новым режимом и даже настроенных враждебно по отношению к большевикам. В 18-й главе своих воспоминаний Маккей подробно описывает посещение московской вечеринки «русской буржуазии» (нэпманов) и «бывших» (дворян) и воспроизводит долгую беседу с хозяйкой – «барышней» (barishna), которая сделала ему выговор за отказ поцеловать у нее руку и предъявила длинный список своих претензий к новой власти (LWH: 151–153). В мемуарах есть и рассказ о встрече в Петрограде с военным моряком и его женой, светлокожей окторонкой родом из Латинской Америки, которого не принимали на службу на флот как «царского офицера». Маккей ходатайствовал за него, обратившись к «другу, красному офицеру, коммунисту, члену Петросвета» (LWH: 168–169). В Москве негритянскому гостю запомнился разговор со «старорежимной» преподавательницей училища:

¹ Документы готовились к Конгрессу на протяжении 1922 г. См. напр.: Выписка из решения ИККИ по негритянскому вопросу. 18.12.1922. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 2; предложение ИККИ о созыве всемирного негритянского конгресса. 01.01.1922. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 5.

Поразительно, но даже русские буржуа мне доверяли. Они знали о том, что я сочувствую коммунистам, у которых я в гостях. И все же некоторые из них честно и наивно признавались мне, что не любят большевиков. <...> Когда я посещал училище вместе с переводчиком, который, несомненно, был из ОГПУ, одна из преподавательниц языка рассказала мне о том, как трудно работать при новом режиме. Она говорила, что ей обязательно нужно выезжать за границу, чтобы поддерживать уровень владения языком, который она преподает, но сейчас это стало невозможно. Она пожаловалась, что студенты-пролетарии тупоумны и мешают учиться более способным студентам из семей буржуа. Еще она призналась, что один из ее самых одаренных студентов – сын бывшего губернатора, но она не скажет, кто, потому что если это станет известно, он больше не сможет оставаться в этом училище (LWH: 132).

С декабря 1922-го по февраль 1923-го Маккей жил в основном в Москве и только один раз съездил в Петроград. В обеих столицах он часто выступал на разных митингах и встречах, и с иронией отмечал потом в своих мемуарах, что русские очень любят длинные речи и готовы слушать ораторов часами, если только эти ораторы говорят то, что хотят услышать «массы». Маккей признается, что не стремился потрафить своим слушателям и нередко вызывал у них разочарование и протест, поскольку положил себе за правило бескомпромиссно бороться с ложной иллюзией о близящейся социальной революции в Америке. Маккея поразило, что убеждение, будто революция в Штатах случится не сегодня-завтра, было практически невозможно поколебать – люди либо пропускали контраргументы мимо ушей, либо реагировали на них яростным афронтом. Этой иллюзией, как отмечает Маккей, были заражены все русские – от простых рабочих и матросов до советских руководителей. Описывая общение Бухарина с американской делегацией, Маккей замечает: «Пока Кэннон информировал Бухарина о реальном положении дел в Америке, тот воображал себе Америку, описанную Джеком Лондоном в “Железной пяте”» (LWH:140). Примечательно, что, по словам Маккея, в отличие от Кэннона – сторонника легализации компартии в США, убежденные подпольщики, составлявшие бóльшую часть американской делегации, поддерживали вредную иллюзию «русских», упорно повторяя тезис о скором начале американской революции (LHW: 137–138).

Маккей общался с рядом крупных советских партийных и государственных деятелей – Зиновьевым, Бухариным, Троцким, Каменевым, Радеком, Крупской. Бухарина он охарактеризовал, как самого демократичного и «доступного» из «большевистских больших шишек» (LWH: 160). Радек

Г. Зиновьев, Н. Бухарин и К. Маккей. 1923. Public Domain.

пригласил Маккея на обед, познакомил со своим семейством – но весьма разочаровал негритянского гостя, попытавшись «с кавалерийского наскока» разрешить расовый вопрос в США через слишком простое объяснение причин расовых предрассудков (LWN: 142–143).

Маккею вручили членский билет ВКП(б), обоих негритянских делегатов сделали почетными членами Московского Совета¹, и их принимал лично Л.Б. Каменев, председатель Моссовета (1918–1926).

Каменев имел в высшей степени благородный вид в безупречном черном костюме с белым воротничком и при галстукe – он был одет по высшему европейскому стандарту, лучше всех большевистских руководителей, которых мне довелось видеть. Он приветствовал меня вежливой улыбкой, дал мне автограф, пожал мне руку и сказал, что гордится тем, что имеет честь принять меня от имени Моссовета. <...> Простота и вместе с тем достоинство в обращении Каменева очень меня тронули, поскольку в таком идеаль-

¹ См.: *Turner J.M. Caribbean Crusaders and the Harlem Renaissance. Champlain, IL: University of Illinois Press, 2005. P. 107, 109.*

Членский билет ВКП(б) К. Маккея.

Источник: Yale Slavic Collection. <https://rees.macmillan.yale.edu/news/relics-empire-new-exhibit-shares-story-behind-yales-slavic-collections>

но пригнанном, традиционном одеянии его можно было принять за важного банкира, протестантского пастора или высокопоставленного европейского дипломата (LWH: 150).

Прямо противоположное впечатление произвела на Маккея Н.К. Крупская, с которой он познакомился на одном из заседаний Конгресса: «Крупская была очень некрасивая женщина, просто безобразная. Макс Истмен, увидев ее, пришел в такой ужас, что заявил: “Ленин, пожалуй, выздоровел бы, если бы с ним была хорошенькая девушка!”» (LWH: 159). Маккей пытался добиться встречи с Лениным через Крупскую и М.И. Ульянову, но ему было отказано из-за состояния здоровья вождя (LWH: 159). Он также пытался получить аудиенцию у Сталина – поскольку тот занимал тогда пост наркома по делам национальностей, и обратился за помощью к члену Оргбюро ЦК А.А. Андрееву и заместителю Наркома иностранных дел Л.М. Карахану, но встречу организовать не удалось. Впрочем, неудача Маккея не расстроила: «...эта просьба начисто выветрилась из моей памяти, когда состоялось мое знакомство с магнетической личностью – Троцким». (LWH: 159–160).

Пальму первенства среди всех советских лидеров Маккей безоговорочно отдает Троцкому. Ему посвящено немало страниц в мемуарах «Далеко от дома». Там подробно описана первая встреча и беседа Троцким (19 глава). Маккей не скупится на панегирики, подчеркивая блестящие качества «военного наркома», его глубокий и острый ум, волю, широту кругозора. Можно предположить, что это особое отношение отчасти объясняется влиянием Макса Истмена – поклонника Троцкого и адепта его идей. Главный знак признания со стороны Маккея – констатация компетентности Троцкого в негритянском вопросе.

Троцкий сидел за своим столом в военном мундире, он был красив, отличался естественностью и изяществом манер. Он сказал, что учит английский и постарается поговорить со мной на этом языке.

Троцкий задал мне несколько прямых и острых вопросов об американских неграх, их организации, политических взглядах, образовании, религии, об их горестях и социальных устремлениях и, наконец, о том, как относятся друг у другу американские и африканские негры. Я отвечал, используя все мои знания, всю информацию, которой я владел на тот момент. Затем Троцкий сформулировал свое собственное мнение о неграх. Это было самое умное из всего, что я слышал по этому поводу от других русских руководителей – не то, что редактор «Известий» Стеклов, представлявший себе негров как огромную армию, пригодную для пушечного мяса, не то, что Радек с его скороспелыми объяснениями источников расовых предрассудков у белых. Он вообще не делал никаких выводов, и, к моему облегчению, не молот сентиментальной чуши о братстве белых и черных. Он рассуждал практически и говорил вещи, которые радикально настроенные американские негры могли бы счесть реформизмом. Троцкий сказал, что в условиях современной цивилизации негры являются отсталой группой в социальном, политическом и экономическом плане. Я точно помню, что он использовал именно это слово – «отсталый». Он подчеркнул, что негры нуждаются в образовании – не только университетском, но в широком образовании, охватывающем все сферы жизни современного индустриального общества, что позволит им как общности добиться подъема и встать наравне с белыми. И опять я точно помню, что он использовал это слово – «подъем»¹. И он настаивал на необ-

---

¹ В оригинале – “lift or uplift”. Словосочетание «подъем черной расы» (racial uplift) – расхожий термин в афроамериканском научном, общественном, политическом, публицистическом дискурсе рубежа XIX-XX вв. Им пользовались Букер Т. Вашингтон, У. Дюбуа и мн. др. афроамериканские лидеры и мыслители, провозглашая это главной задачей черной расы в США после отмены рабства.

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

ходимости повышения грамотности негров в области профсоюзного движения. В заключение он сказал, что хотел бы дать практический образец этого по линии своего ведомства и предложил прислать в Россию группу негров, которые смогут пройти такое же обучение, как у офицеров Красной Армии (LWH: 160–161).

Обсуждение негритянской проблемы с Троцким оказалось для Маккея очень плодотворным, а само это обсуждение попало в советскую печать, правда, с нарушением хронологии событий. Маккей написал письмо военному наркому, в котором рассказал о своем опыте общения с черными и цветными солдатами в лондонском клубе Друри-лейн, о своей полемике с Э. Морелом и изложил свою оценку расового аспекта оккупации Рейнланда. Это письмо было опубликовано в «Правде» только 1 апреля 1923 г.¹ Тема, поднятая Маккеем, была весьма востребована в советской прессе: во время пребывания Маккея в СССР в «Правде» и «Известиях» постоянно освещался Рурский конфликт, это был одна из центральных тем международной повестки. Ответ же Троцкого Маккею был напечатан на полтора месяца раньше – 15 февраля 1923 г. одновременно в «Правде» и в «Известиях»², так что читатель не знал, что именно спрашивал Маккей и мог только догадываться об этом, опираясь на текст Троцкого. Ответ Троцкого был напечатан на английском в «Инпрекоре»³, а также вошел в публицистическую книгу Маккея «Негры в Америке», написанную и изданную в СССР в 1923 г.⁴. На написание этой книги Маккея вдохновил Троцкий.

В своем ответе Троцкий начинает с вопроса об использовании французских колониальных войск входе оккупации Рейнской области и говорить о необходимости просвещения и самоорганизации негров, чтобы они смогли перейти к организованному протесту против использования их в конфликтах империалистических колониальных держав. В письме Маккею Троцкий особо отмечал роль передового отряда чернокожих интеллектуалов, главной задачей которых является ведение пропаганды среди трудящихся негритянских масс:

¹ Письмо Мак-Кея т. Троцкому // Правда. 1923. 1 апреля.

² Л. Троцкий. Ответы товарищу Клод Маккей // Правда. 1923. 15 февраля. Известия. 1923. 15 февраля.

³ Trotsky on the Negro Question. A letter from comrade Trotsky to comrade McKay // International Press Correspondence. Vol. III. No 10. March 1923, pp. 158–159.

⁴ Мак-Кэй К. Негры в Америке. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 135 с. Ответ Троцкого Маккею напечатан на сс. 15–20.

...важно иметь уже сейчас, немедленно, хоть небольшое количество передовых негров, молодых, самоотверженных, кровно заинтересованных в поднятии материального и морального уровня негритянской массы и способных в то же время умственно связывать ее судьбу... с судьбой международного рабочего класса. Воспитание черных пропагандистов есть неотложнейшая и крайне важная революционная задача настоящего времени. В Северной Америке дело осложняется отвратительным тупоумием и кастовым высокомерием привилегированных верхов самого рабочего класса, не желающих видеть в негре собрата по труду и борьбе...Одной из важнейших областей этой борьбы против капиталистического рабства сознания пролетарских масс является пробуждение человеческого достоинства и революционного протеста в черных рабах американского капитала. Эту работу могут выполнить лучше всего...только самоотверженные и политически воспитанные негры-революционеры¹.

Маккей увлеченно работал над книгой об американских неграх, пользуясь не только привезенными с собой справочниками и изданиями НАСЦПН, но и библиотекой Коминтерна. В книге девять глав, посвященных истории негров в США, их социальной, экономической, политической ситуации, их фольклору и культуре; разумеется, есть там и очерк негритянской литературы с выразительными портретами писателей-современников Маккея (У. Дюбуа, Дж. Фосет, У. Уайта и др.), с характеристикой их взглядов и творчества, которую Маккей старается давать в соответствии с духом марксизма. Как отмечает М. Маклеод, «несмотря на ряд недостатков, порой весьма существенных, эта книга дает нам редкую возможность наблюдать известного черного писателя в роли социального аналитика и критика»².

Вторым советским книжным изданием Маккея стал сборник «Судом Линча. Рассказы о жизни негров в Северной Америке» (пер. с англ. А.М., П. Охрименко; М.: Огонек, 1925. 45 с.), включивший три небольших рассказа – «Судом Линча», «Мулатка», «Возвращение солдата». Темой, как явствует из заглавия, стала практика линчеваний, бывшая в ходу на Юге США со времен окончания Реконструкции. Обе эти книги, выпущенные в период увлечения К. Маккея коммунизмом и советским социальным экспериментом, были изданы на русском языке, а их английские оригиналы

¹ *Мак-Кэй К.* Негры в Америке. С. 17.

² *McLeod M.B.* Claude McKay's Russian Interpretation: *The Negroes in America* // CLA Journal. 1980. March. Vol. 23. No 3, p. 350.

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

оказались утрачены. Обратные переводы на родной язык автора были сделаны только в 1970-х гг.¹ Постоянное сотрудничество сложилось у Маккея с П.Ф. Охрименко, который переводил его тексты – обе книги, стихотворения и прозу для журнальных подборок. Сохранились два дружеских прощальных письма Маккея П. Охрименко – из Петербурга накануне отъезда (от 18 мая) и из Берлина (от 30 июня) по пришествии примерно трех недель после отъезда из СССР².

Поскольку Маккей решил задержаться в Советской России и в итоге провел там семь месяцев, ему делались обычные в таких случаях предложения – заниматься «работой по специальности» (т.е. литературным и журналистским трудом), получая за это гонорар. Далеко не все, написанное им, шло в печать, однако гонорары, по заверению Маккея, платили исправно, и он мог позволить себе жить на широкую ногу, ни в чем не нуждаясь. Маккей описывает свою встречу с главредом «Известий» Ю.М. Стекловым (наст. имя О.М. Нахамкис, 1873–1941) – «крупным мужчиной с лвиной головой, который впечатлял своей внешностью, но не умом». Такое нелестное суждение Маккея обусловлено уровнем представлений руководителя главной правительственной газеты о негритянском вопросе: «Он сказал мне, что очень заинтересован в том, чтобы увлечь негром коммунизмом, поскольку это молодой, свежий народ, из которого получатся отличные солдаты» (LWN: 142). Тем не менее, сотрудничество с «пресс-холдингом» «Известий» состоялось; в частности, Маккея печатали в «Красной ниве» – новом тонком литературном журнале (осн. 1923) при газете «Известия»³.

¹ *McKay C.* The Negroes in America/ ed. A.L. McLeod, transl. R.J. Winter, ed. M.B. McLeod. New York: Kennikat Press, 1979; *McKay C.* Trial by Lynching: Stories about Negro Life in North America, transl. R.J. Winter. Mysore, India: Centre for Commonwealth Literature and Research, 1977. Перевод последней книги был выполнен с русской рукописи, хранившейся в Нью-Йоркской публичной библиотеке. См. *Baldwin K.A.* Beyond the Color Line and the Iron Curtain, pp. 28, 59, 67, 72; *Cooper W.F.* Claude McKay, pp. 185–191; *Maxwell W.J.* New Negro, Old Left: African-American Writing and Communism between the Wars. New York: Columbia University Press, 1999, pp. 68, 72, 75–88; *Zumoff J.A.* Mulattoes, Reds, and the Fight for Black Liberation in Claude McKay's "Trial by Lynching" and "Negroes in America" // *Journal of West Indian Literature*. 2010. Nov. Vol. XIX, No1, pp. 22–53.

² Опул.: *Панова О.Ю.* Экзотический гость: Клод Маккей в Советском Союзе // Литература двух Америк. 2019. № 6. С. 261–265.

³ *Маккей К.* Америка. В плену. Суд Линча. Усталый рабочий / пер. В. Василенко, П. Охрименко // Красная нива. 1923. № 2. С. 22.

К. Маккей на аэроплане. Поездка в Кронштадт. Март 1923.
Источник: ЦГАКФФД СПб.

Еще одним важным для Маккея результатом общения с Троцким стало близкое знакомство с военной инфраструктурой новой России. Нарком по военным делам дал поручение организовать для гостя целый ряд встреч, экскурсий и поездок, так что Маккей побывал в расположении разных частей и родов войск армии и флота, а также в военно-учебных заведениях, в частности, у кремлевских курсантов (LWH: 162–162).

В Петрограде у Маккея также состоялся целый ряд встреч с преподавателями и курсантами военных училищ, с представителями Балтийского военного флота. Маккей побывал на военно-морской базе в Кронштадте – полет туда на аэроплане сквозь снежную бурю красочно описан в мемуарах (LWH: 164–167). Кронштадтская эпопея пришлось на третью, предпоследнюю поездку Маккея в Петроград: в начале второй декады марта 1923-го. Официальная часть поездки включала участие в праздновании 25-летней годовщины РКП, которое состоялось 13 марта в Мариинском театре под председательством главы Петросовета Г. Зиновьева. Маккей также выступил на литературном вечере с чтением стихов, о чем в «Известиях» была помещена краткая заметка петроградского корреспондента:

К. Маккей и О. Хьюисвуд с сопровождающим у памятника Петру Великому. Петроград, 1923. Источник: ЦГАКФФД СПб.

Прибывший в Петроград американский поэт Клод Маккей выступил на литературном вечере в театре «Юный зритель». Поэт прочел свои стихи на английском языке. Стихотворения Мак-Кея, переведенные на русский язык, об угнетаемой и эксплуатируемой черной расе произвели большое впечатление на слушателей, тепло приветствовавших поэта-негра¹.

Была и обязательная для пребывания в Петрограде культурная программа: Маккей посетил целый ряд музеев, архитектурных памятников и других достопримечательностей столицы бывшей Российской империи. В Мариинском театре он слушал оперу «Князь Игорь», которая ему понравилась больше, чем «Евгений Онегин» в Большом; но особенно сильное впечатление на него произвел балет. В своих мемуарах Маккей сравнивает гастрольи Анны Павловой в Нью-Йорке со спектаклями, увиденными в России, вспоминает свои споры с Айседорой Дункан о современном танце и приходит к выводу, что «экстравагантный модернизм» нынешнего русского балета гораздо интересней классического танца Павловой (LWH: 163).

¹ Клод Мак-Кей в Петрограде // Известия. 1923. 23 марта.

К началу апреля Маккей вернулся в Москву, откуда планировал выехать поездом в Европу – через Польшу в Германию. Однако в Коминтерне приняли решение отправить гостя тем же путем, каким он прибыл в Россию, так что в середине апреля Маккей снова оказался в Петрограде, где ему пришлось ждать отплытия целых полтора месяца. В этот приезд он побывал на Путиловском заводе, резиновом заводе «Красный треугольник». Также Маккей упоминает свой визит в Женотдел Петроградского губернского комитета РКП(б) в Смольном: там его засыпали вопросами о положении афроамериканских женщин, условиях их труда, должностях, которые они имеет право занимать, уровне зарплат, социальных льготах. Присутствующие также интересовались женскими организациями в США и в конце встречи с энтузиазмом взялись за составление приветственного письма трудящимся афроамериканкам с приглашением отрядить делегацию в Советский Союз для налаживания контактов, обучения и повышения революционной сознательности черных работниц и крестьянок. Маккей хорошо запомнил незаурядную женщину – Клавдию Ивановну Николаеву, революционерку, члена партии с 1909 года, с 1918 до 1924 гг. заведовавшую Женским и Агитационно-пропагандистским отделами Петроградского губернского комитета РКП (б).

Примерно за две недели до отъезда из России Маккей написал прощальное благодарственное письмо переводчику П.Ф. Охрименко, у которого он несколько раз был в гостях и с которым близко подружился. Из этого письма ясно, насколько серьезно Маккей воспринял обращенные к нему слова Троцкого о пропаганде как первоочередной задаче афроамериканских левых интеллектуалов:

С тех пор, как я покинул Москву, у меня почти нет известий из внешнего мира – пока не удалось достать ни английских, ни американских газет. Но я все время занят: пишу, бываю на митингах и коплю последние наблюдения и впечатления, которые можно использовать для пропаганды – Петрограду есть, что предложить в этом смысле¹.

Одной из последних акций афроамериканского гостя по части пропаганды стало обращение к председателю Петросовета Г. Зиновьеву: Маккей задал ему несколько вопросов (как ранее Троцкому), ответы на которые он обещал передать американским неграм. Вопросы касались решения расо-

---

¹ К. Маккей – П.Ф. Охрименко. 18.05.1923. Петроград // Литература двух Америк. 2019. № 6. С. 263.

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

вой и национальной проблемы в новой России, политики Коминтерна по искоренению расизма в среде рабочих и самоорганизации черных и цветных трудящихся и их солидарности с белыми собратьями по классу в соответствии с марксистским подходом¹.

Маккей серьезно относился к своей социально-политической миссии в России, но ни на минуту не забывал, что он в первую очередь поэт и писатель. В этом качестве он был представлен в публикации «Правды», появившейся в самом начале 1923 года. В статье приводилась его биография, давалась краткая характеристика его творчества. В статье также утверждалось, что он коммунист («состоит членом Американской рабочей партии, примыкающей к Коминтерну, и развивает коммунистическую пропаганду среди негров»)². Материал включал три стихотворения Маккея в переводе П. Охрименко – «Если нам суждено умереть» (“If We Must Die”), «Призыв» (“Exhortation – Summer 1919”), «На Бродвее» (“On Broadway”).

* * *

В своих воспоминаниях о поездке в СССР Маккей постоянно подчеркивает, что для него самым важным было общение с русской интеллигенцией, литературными и артистическими кругами. Это справедливо не только для его мемуаров «Далеко от дома», но и для написанной «по горячим следам» большой статьи «Советская Россия и негр». Маккей оставил зарисовки «кафе поэтов на Тверской» (кафе «Домино»)³, заседаний Пролеткульта на Арбате, а также петроградского Дома Ученых, где он жил в свой последний приезд в Петроград, в апреле-мае 1923 года. В этом здании, бывшем дворце великого князя Владимира Александровича Романова, Маккею выделили комнату для проживания, и он мог участвовать в проходивших там встречах творческой и научной интеллигенции⁴. Среди тех, с кем познакомился Маккей, были Борис Пильняк, поэт и критик из круга Ахматовой и Гумлева И.А. Аксенов, поэт и переводчик, создатель Ордена дерзо-поэтов Василий Федоров, Евгений Замятин, Сергей Маршак, Корней Чуковский (в Петрограде). Описывая атмосферу в Доме Ученых и общее настроение в кругах петроградской интеллигенции, Маккей отмечает, что здесь доминирует неприятие большевизма:

¹ См. Приложение 2 к статье.

² Клод Мак-Кэй – негр-поэт // Правда. 1923. 6 января.

³ Самый популярный в Москве литературный клуб по адресу Тверская ул. д.18, где проходили собрания московского отделения Всероссийского союза поэтов.

⁴ Дворцовая наб., 26 или ул. Миллионная, 27. Сейчас в этом здании находится гостиница Академии наук РАН.

В Петрограде встречи интеллигенции показались мне более формальными, круг более широким. Там были такие выдающиеся люди, как критик Чуковский, знаменитый романист Евгений Замятин и Майшак [Маршак. – *О.П.*] – поэт и переводчик Киплинга. Были и представители артистического и театрального мира. На этих собраниях интеллигенции отсутствовал коммунистический дух. Если быть совсем честным, надо признать, что чувствовалась какая-то враждебность к большевикам. <...> ...здесь у меня были только приятные встречи, просвещающие беседы с обитателями Дома Ученых и его гостями, которые открыто выражали свое неприятие советской власти, хотя им было известно, что я сочувствую новому режиму (SR&N: 115–116).

Маккей подчеркивает полное отсутствие расовых предрассудков у русской интеллигенции – и это для него, конечно, было особенно важно и ценно:

Меня приглашали выступить, прочесть стихи, и все относились ко мне вежливо и внимательно. В кругу этих утонченных, культурных русских, многие из которых говорили на двух или даже четырех языках, нельзя было столкнуться ни с чрезмерной корректностью, ни, напротив, с вульгарным высокомерным удивлением при виде негра-поэта. Я был для них просто поэтом, и их острые вопросы демонстрировали, что их интересует моя поэтическая техника и мое мнение о современных литературных течениях, а не цвет моей кожи (SR&N: 116).

Маккей с гордостью пишет о том, что в России он заслужил признание как поэт; символом этого признания он счел подаренный ему неким петербургским профессором портрет молодого Пушкина «из старинной книги», в котором были «явственно были различимы негритянские черты» (LHW: 133). Этот портрет представлял для Маккея особую ценность. Т. Тагирова сообщает, что обнаружила этот портрет в коллекции негритянской литературы и искусства Дж Уэлдона Джонсона в отделе рукописей библиотеке редких книг и рукописей Бейнеке Йельского университета¹. Об особой любви Маккея к Пушкину – собрату по расе и по поэтическому цеху – упоминает и Николай Чуковский в своем очерке о Клоде Маккее².

¹ *Tagirova-Daley T.A.* Claude McKay's Liberating Narrative. Russian and Anglophone Caribbean Literary Connections. New York: Peter Lang, 2012, p. 70.

² *Чуковский Н.* Поэт с острова Ямайка // Чуковский Н. Литературные воспоминания. М.: Советский писатель, 1989. С. 206.

У Маккея сложились близкие дружеские отношения с семейством Корнея Ивановича Чуковского. Сын Корнея Чуковского Николай в качестве гида-переводчика сопровождал Маккея в Петрограде и оставил яркие воспоминания о «поэте с острова Ямайка»¹. Маккей неоднократно бывал у Чуковских дома. Корней Иванович оставил несколько записей о Маккее в своем дневнике, например:

24 апреля [1923]. Опять негр Мак Кэй. Потолстел, но говорит, что это от морозу: отмороженные щеки. Очень много смеется, но внутренне серьезен и когда говорит о положении негров в Америке – всегда волнуется. Я сдуру повел его к Клячко; с изумлением увидел, что Клячко не знает, что негры в Америке притесняемы белыми. «Как же так? – спрашивал он. – Ведь там свобода! Ай да американцы!» и т. д. Мак Кэй ждет к себе в гостиницу Wine-merchant'a (виноторговца. – *О.П.*), про которого он говорит, что д[окто]р двоюродный брат Александра Блока. Wine-merchant снабжает его бесплатно вином².

Маккей высоко ценил Чуковского как поэта и переводчика, как человека талантливого, образованного, глубоко порядочного и честного. Но в их отношениях не все было гладко. Одним из пунктов разногласий была оценка деятельности в Советской России Американской Администрации помощи (АРА), боровшейся с голодом в разоренной социальными потрясениями и войнами стране. Чуковский, как явствует из его дневника, высоко ценил усилия АРА по поддержке русской интеллигенции, был знаком с несколькими американцами-сотрудниками АРА. Особенно тесная дружба сложилась у Корнея Чуковского со Спердженем Мильтоном Кини-старший (Spurgeon M. Keeny Sr., 1893–1988). Уроженец Шрусбери, шт. Пенсильвания, С. Кини окончил Геттисбери-колледж, затем учился в Оксфорде, где получил степень магистра литературы. В конце Первой мировой войны участвовал в гуманитарной миссии YMCA при британской армии, затем – в лагерях для военнопленных на советско-польской границе и при Чехословацком корпусе в Сибири. В 1922–1924 гг. работал в АРА в СССР: в его обязанности входило обеспечение интеллигенции гуманитарной помощью (продукты, денежные пособия). Корней Чуковский часто бывал в гостях у С. Кини и его жены, приглашал их на разные

¹ См. об этом: *Панова О.* Экзотический гость. С. 258–260.

² *Чуковский К.* Дневник. Т. 1: 1901–1929. М.: Сов. писатель, 1991. С. 241–242. Далее все цит. из дневника К. Чуковского даны по этому изд.

культурные и научные акции, ходатайствовал о выделении помощи особо нуждающимся коллегам по цеху – все это отражено в дневниковых записях Чуковского от 1923 года.

Февраль 13 вторник [1923]. <...> Очень милые многие люди в Ара, лучше всех Кини (Keeny). Я такого человека еще не видал. Он так легко и весело хватает жизнь, схватывает все знания, что кажется иногда гениальным; а между тем он обыкновенный янки. Он окончил Оксфордский Университет, пишет диссертацию о группе писателей Retrospective Review¹ (начало XIX в.). Узнав о голоде рус. студентов, он собрал в Америке среди Young Men Christian Association² изрядное количество долларов, потом достал у евреев (Hebrew Students³) небольшой капитал и двинулся в Россию, где сам, не торопясь, великолепно организовал помощь русским профессорам, студентам и т. д. Здесь он всего восемь месяцев, но русскую жизнь знает отлично – живопись, историю, литературу. Маленький человечек, лет 28, со спокойными веселыми глазами, сам похож на студента, подобрал себе отличных сотрудников, держит их [в] дисциплинированном виде, они его любят, слушаются, но не боятся его. Предложил мне посдействовать ему а раздаче пайков. Я наметил: Гарину-Михайловскую, Замирайло, жену Ходасевича, Брусянину, Милашевского и др. (с. 235–236).

Маккей в статье «Советская Россия и негр» с неодобрением упоминает дружбу Чуковского с буржуазным филантропом («одним высокопоставленным работником АРА») и его «женой-южанкой» (для Маккея это значит «расисткой»). Маккей описывает Чуковского как «фанатичного поклонника англо-американской культуры» – и эта черта явно неприятна Маккею (учитывая его собственное негативное отношение к Британии и США как к цитадели расизма). Как естественное следствие англomanии расценивается Маккеем скепсис, с которым Чуковский воспринимает рассказы о бедственном положении негров в Америке. Чуковский же усматривает в цикленности Маккея на расовом вопросе как минимум пристрастность, если не слепой фанатизм, а также считает, что Маккей настроен слишком пробольшевистски, что его распропагандировали, и потому от него не стоит ждать правдивых публикаций о Советской России:

¹ Ретроспективный обзор (англ.).

² Молодежная христианская ассоциация (англ.).

³ Еврейские студенты (англ.).

7 мая [1923]. <...> Был у меня ночью Мак Кэй. Он написал стихи о первом Мае и хочет, чтобы я переводил. Очень ругательно отзывался об Аре, я защищал, мы поругались. Я уже чувствую, что он в свои будущие очерки о России внесет много клевет, сообщенных ему всякой сволочью (с. 244–255).

Пессимистические ожидания Чуковского подтверждали стихи Маккея, написанные под впечатлением от пребывания в России. В стихотворении «Москва» (“Moscow”, 1922) русская столица предстает в облике Византии. В «Русском Сопоре» (“Russian Cathedral”, 1925)¹, навеянном посещением Исаакиевского собора, поэт, восхищенный величием храма, восторженно описывает грандиозное сооружение, но, несмотря на религиозную лексику и торжественность интонаций, все же призывает склониться не перед Богом, а перед красотой и перед человеческим гением – «божественной сущностью человека, живо воплощенной в камне» (man’s divinity alive in stone). Чуковский в дневниковой записи упоминает последнее стихотворение, написанное Маккеем в России, – «Петроград: Первомай»² в котором выразился энтузиазм поэта, приобщившегося к яркому празднованию дня трудящихся. В своих мемуарах Маккей утверждает, что стихотворение произвело фурор: «Меня засыпали похвалами. Что стихотворение будут хвалить коммунисты, было ясно заранее. Но я был особенно рад тому, что меня хвалила петроградская интеллигенция... переводчик Уолта Уитмена (К. Чуковский. – *О.П.*) сказал, что это классика» (LWH: 172).

Маккей остался в неведении относительно истинного мнения Чуковского об его прощальном русском стихотворении. Однако и Чуковский не был точен в своих прогнозах. Несмотря на декларации Маккея о пропаганде как первейшей задаче афроамериканского интеллектуала, в обоих его текстах, посвященных русскому путешествию, – и в написанном «по горячим следам» очерке для *The Crisis*, и в мемуарах 1937 года – образ Советской России предстает вовсе не одномерным, не пропагандистским, но сложным и многогранным. Прямо заявляя о своей поддержке большевизма, о симпатиях к коммунизму, Маккей выказывает себя чутким и внимательным наблюдателем, готовым выслушать и понять резоны противников новой власти, способным оценить по достоинству русскую «старорежимную» интеллигенцию. Он весьма критически и без всякого пиетета оценивает советских партийных и государственных руководителей, и при этом

¹ Опул. в *Survey Graphic* 1.03.1925; вошло под названием “St. Isaac’s Church, Petrograd” в собрание избранных стихотворений – *Selected Poems of Claude McKay* (1953).

² “Petrograd: May Day”, опул. в *The Liberator*, vol. 8, no 64, 1923, August.

романтически верит в революционный энтузиазм и созидательную энергию масс. Однако самым главным аргументом в пользу русского эксперимента была его убежденность в том, что в большевистской России нет расизма, что здесь удалось разрешить расовый вопрос.

С таким убеждением Маккей покидал страну Советов. Это ясно видно из его письма к переводчику П.Ф. Охрименко¹, написанному из Берлина, сразу после отъезда из России:

Кажется, я незаметно для себя очень полюбил Россию и все-таки, мой любимый город – Петроград, а не Москва. <...> Берлин действует на меня угнетающе. Это центр цивилизации, здесь царят веселье и роскошь. И все же я ни разу не встречал столько примет отчаяния и явного упадка ни в одном из больших городов. В Москве и Петрограде гораздо лучше. Берлин для меня символизирует полное падение нашей фальшивой западной цивилизации, всех ее фальшивых идеалов².

* * *

В 1923 году, покидая Россию, Маккей был все еще настроен прокоммунистически, пробольшевистски. Однако из «попутчика» Маккей так и не стал партийцем-сталинистом, а напротив, к началу Второй мировой войны превратился в убежденного антикоммуниста, о чем свидетельствует, в частности, недавно обнаруженный в архивах сатирический роман Маккея «Зубастая любезность: роман о любви коммунистов и бедной черной овечки из Гарлема»³, посвященный Гарлему периода

¹ Петр Федорович Охрименко (1888–1975) родился в Черниговской губернии в крестьянской семье, начал работать с 12 лет – слесарем, кузнецом. Во время революции 1905 года был сослан в Сибирь на каторгу за раздачу революционных листовок. В 1908–1911 гг. жил в США, работал на заводе Томаса Эдисона. Вернувшись в Россию, жил на Донбассе, участвовал в революционном движении, был членом партии меньшевиков. После гражданской войны в 1919 г. переехал с Донбасса в Москву, стал переводчиком в Отделе печати ИККИ. С этого времени начал заниматься художественным переводом с англ. и украинского языков.

² К. Маккей – П.Ф. Охрименко. 30.06.1923. Берлин // Литература двух Америк. 2019. № 6. С. 264–265.

³ Первое издание романа: *McKay C. Amiable with Big Teeth: A novel of the love affair between the communists and the poor black sheep of Harlem* / eds Jean-Christophe Cloutier, Brent Hayes Edwards. New York: Penguin Books, 2017. Рукопись этого романа в 2009 г. была обнаружена аспирантом Колумбийского университета Ж.-К. Клаутье: эта находка произвела сенсацию в афроамериканистике. См. об этом, напр.: *Lee F.R. New Novel of Harlem Renaissance is Found* // *The New York Times*. 2012. Sept. 14.

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

Великой депрессии и «красных тридцатых», борьбе с фашизмом, реакции черной интеллигенции и левых кругов на аннексию Эфиопии в 1935 г. Он содержит не только характерные для Маккея сцены «веселой» гарлемской жизни (знакомые по его знаменитому роману «Домой, в Гарлем», 1928), но и сатирические зарисовки, в том числе карикатуры на коммунистов.

В середине 1940-х Маккей обратился в католицизм, объяснив свой выбор в небольшой публикации 1946 года в журнале *Ebony*¹. Став противником коммунизма и атеизма, Маккей при этом по ряду позиций сохранял левые взгляды: он сотрудничал в качестве советника по вопросам афроамериканцев при «прогрессивном» епископе Бернардe Шейле, который был известен своими выступлениями против джимкромизма, а в 1950-е – против маккартизма². Дополнительный свет на причины такой эволюции Маккея проливают воспоминания о нем Н. Чуковского. По его мнению, коммунизм, Коминтерн и СССР интересовали Маккея исключительно как силы, борющиеся за равновесие негров.

Он не имел ни малейшего представления о марксизме. Пораженный, я стал толковать ему о классовом устройстве общества, о международной рабочей солидарности, об интернационализме. Но он слушал меня невнимательно и без всякого интереса. Для марксизма он казался совершенно непромокаем. Его симпатии к нашей стране строились на двух обстоятельствах: во-первых, здесь хорошо относились к неграм и, во-вторых, в жилах нашего национального поэта Пушкина текла негритянская кровь³.

Воспоминания Н. Чуковского – еще одно свидетельство того, что не скрывал и сам Маккей, а именно, что расовый вопрос занимал несравненно больше классового, и переживания «представителя угнетенной нации» – гнев, оскорбленная гордость, ненависть к белым угнетателям, сочувствие собратьям по расе – значили для поэта гораздо больше, чем любая социальная теория.

¹ *McKay C.* Why I Became a Catholic // *Ebony*. No I. 1946. March, p. 32.

² *Goldweber D.* Home at Last. The Pilgrimage of Claude McKay // *Commonwealth*. Sept. 1999, pp. 11–13.

³ *Чуковский Н.* Поэт с острова Ямайка. С. 205–206.

Литература

Панова О.Ю. Экзотический гость: Клод Маккей в Советском Союзе // Литература двух Америк. 2019. № 6. С. 237–274.

References

Baldwin K.A. *Beyond the Color Line and the Iron Curtain: Reading Encounters Between Black and Red, 1922-1963*. Durham, NC: Duke University Press, 2002.

Carew J.G. *Blacks, Reds, and Russians: Sojourners in Search of the Soviet Promise*. Trenton: Rutgers University Press, 2009.

Carew J.G. “Translating Whose Vision? Claude McKay, Langston Hughes, Paul Robeson and the Soviet Experiment.” *Intercultural Communication Studies* XXXIII: 2 (2014): 1-16.

Cooper W.F. *Claude McKay: Rebel Sojourner in the Harlem Renaissance: A Biography*. Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press, 1987.

Gosciac J. “Claude McKay and the ‘Black Specter’ of African American Poetry in the 1920s.” *Modernism on File: Writers, Artists, and the FBI, 1920-1950*, eds C.A. Culleton, K. Leick. New York: Palgrave Macmillan, 2008: 73-104.

Lee F.R. “New Novel of Harlem Renaissance is Found.” *The New York Times* (14 Sept. 2012).

McLeod M.B. “Claude McKay’s Russian Interpretation: *The Negroes in America*.” *CLA Journal* 23: 3 (March 1980): 336- 351.

Maxwell W.J. *New Negro, Old Left: African-American Writing and Communism between the Wars*. New York: Columbia University Press, 1999.

Panova O. “Exotic Visitor: Claude McKay in the Soviet Union.” *Literature of the Americas* 6 (2019): 237–274. (In Russ.)

Tagirova-Daley, T. A. *Claude McKay’s Liberating Narrative. Russian and Anglophone Caribbean Literary Connections*. New York: Peter Lang, 2012.

Zumoff J. A. “Mulattoes, Reds, and the Fight for Black Liberation in Claude McKay’s ‘Trial by Lynching’ and ‘Negroes in America’.” *Journal of West Indian Literature* XIX: 1 (Nov 2010): 22–53.

Дата поступления в редакцию: 07.06.2023

Received: 07.06.2023

Дата публикации: 30.08.2023

Published: 30.08.2023

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Письмо Г.Е. Зиновьева тов. Маккею, представителю негров-рабочих Америки

14 мая 1923 г.¹

Уважаемый тов. Зиновьев!

Тов. Мак-Кей просил от Вас следующее:

1. Разрешения передать неграм-рабочим Америки привет, в котором указать, что Россия разрешает национальные и расовые проблемы путем пролетарской диктатуры.

2. Что Коминтерн проводит на практике политику равенства и братства всех рабочих, независимо от цвета их кожи.

3. Чтобы Вы призвали негров-рабочих организоваться и присоединиться к классово сознательным белым рабочим для разрешения своих расовых проблем и указать неграм, что они должны помнить эмансипацию от рабства в 1865 г., что они должны помнить, что К. Маркс, первый учитель научного социализма, также обращался к ним, и что теперь они должны пойти вперед и освободиться от нового рабства.

Т. Мак-Кей просит написать ему обо всем этом, пока он находится в Питере (дня 2 или 3)². Он знает, насколько Вы заняты и поэтому не хочет побеспокоить Вас в работе, хоть и хотел бы перед отъездом поговорить с руководителем Коминтерна.

С ком. приветом, П. Охрименко.

P.S. Его адрес Дом Ученых, Миллионная, № 27, ком. 12³.

Тов. Мак-Кею⁴.

Дорогой товарищ, на Ваше письмо отвечаю следующим образом:

По п. 1. Как разрешает национальные и расовые проблемы советская Россия?

Вы знаете, что Россия населена десятком различных национальностей. Господствующие класс великорусской национальности угнетали до революции все не великорусские национальности самым бесстыдным образом. Взяв власть в свои руки, рабочий класс России, осуществляющий диктатуру пролетариата вот уже шестой год, счел одной из своих первых обязанностей внимательнейшее отношение к национальным вопросам. В настоящее время Советская Россия представляет собой Союз Совет-

ских Социалистических Республик. При этом каждой, даже малейшей из входящих в Союз Республик, обеспечено полное и действительное равноправие не на словах, а на деле. Памятуя, что все не великорусские национальности до октября 1917 г. стонали под двойным игом, русский пролетариат стремится теперь поставить все эти национальности в такое положение, при котором они как можно скорее могли бы забыть проклятое прошлое. Разница между Советской Россией и буржуазными государствами Европы и Америки заключается не в том, что у буржуазии есть национальный вопрос, а в советской России его будто бы нет. Разница заключается в том, что буржуазные государства не хотят и не могут справедливо разрешить национальный вопрос, между тем как Советская Россия хочет и может справедливейшим образом разрешить эту важнейшую проблему.

По п. 2. Что Коминтерн на практике проводит политику равенства и братства всех рабочих, независимо от цвета и расы, это само собой разумеется. II Интернационал, даже в годы своего расцвета, был организацией только рабочих белой кожи, между тем как III Интернационал с самого начала своего существования поставил себе задачу объединять не только рабочих белой кожи, но и негров, и японцев, и китайцев, словом, действительно всех тружеников всего мира. Коминтерн ставит себе задачей подготовку не только европейской, но и мировой революции. Мировая же революция может прочно победить лишь в том случае, если под наше знамя станут народы Востока, рабочие негры и т.д.

По п. 3. IV Конгресс Коминтерна братски призвал рабочих негров как можно скорее организовать и присоединиться к классово-сознательным белым рабочим для разрешения между прочим и расовой проблемы. Мы отдаем себе отчет в том, как нелегко рабочим неграм создать свою рабочую организацию. Коминтерн ни на минуту не забывает, каким преследованиям подвергаются рабочие негры даже в самых цивилизованных буржуазных республиках. Еще и еще раз мы через Вас призываем рабочих негров образовывать свои кружки, входить в Профсоюзы, одним словом, всячески стараться как можно скорее создать свою массовую организацию и примкнуть к остальным отрядам борющегося пролетариата.

По п. 4. Рабочие негры должны помнить, что ни кто иной, как основоположник научного социализма и идейный вождь I Интернационала Карл Маркс уже в 60-х годах обращался с пламенным призывом к рабочим неграм встать под красное знамя Интернационала. С тех пор прошло уже пол столетия. Коминтерн твердо надеется на то, что призыв Карла Маркса теперь воплотится в жизнь.

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

Еще раз мы пользуемся случаем, чтобы через Вас послать братский привет и лучшие пожелания рабочим неграм.

Печатается по источнику: ЦГА СПб. Ф. Р-1000. Оп. 186. Ед. хр. 326.

¹ Рус. рук. ориг. на бланке секретаря Секретариата Председателя Петросовета. Письмо Г.Е. Зиновьеву с изложением просьбы и вопросов К. Маккея, написано переводчиком П.Ф. Охрименко, с которым К. Маккей постоянно сотрудничал, находясь в СССР: в переводе П.Ф. Охрименко публиковались стихотворения и другие тексты Маккея в советской печати, а также были изданы книги Маккея «Негры в Америке» (1923), «Суд Линча и другие рассказы» (1925). Г.Е. Зиновьев занимал в 1923 г. посты Председателя Петросовета и председателя ИККИ (Исполкома Коминтерна).

² К. Маккей, приехавший в Петроград из Москвы в середине апреля, ожидал разрешения на выезд и средств на обратный путь, обещанных ему как делегату Конгресса Коминтерна. Он не знал точного времени отъезда, и в итоге пробыл в Петрограде гораздо дольше, чем ожидал – до начала июня 1923 г.

³ К. Маккей в этот приезд в Петроград жил в Доме Ученых (бывшем Владимирском дворце) по адресу Дворцовая наб. 26 или Миллионная ул. 27.

⁴ Рус. маш. коп., без даты и без подписи.

К. Маккей обратился к Г.Е. Зиновьеву, используя уже имевшийся опыт общения с Л. Троцким. Маккей написал письмо военному наркому, в котором рассказал о своем опыте общения с черными и цветными солдатами в лондонском клубе Друрилейн, о своей полемике с Э. Морелом и изложил свою оценку расового аспекта оккупации Рейнской области Германии (опубл.: Правда. 1923. 1 апреля). Троцкий ответил Маккею письменно, сформулировав свои взгляды на проблему присутствия французских колониальных войск в Рейнланде, а также сформулировал задачи черной интеллигенции – посредством просвещения и пропаганды поднимать уровень самосознания и способствовать самоорганизации и революционизированию негритянских трудящихся масс. Ответ Троцкого Маккею был опубл. 15 февраля 1923 г. одновременно в «Правде» и в «Известиях». Схожую «технологию» Маккей применил в случае с Г.Е. Зиновьевым, предложив ему письменно высказаться по расовой проблеме.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Клод Маккей

Советская Россия и негр

На то, что я здесь говорю, будет наклеен ярлык «Пропаганда». Что ж, не стану возражать; пропаганда теперь пользуется уважением, и я горжусь тем, что я – пропагандист. Разница между пропагандой и искусством отпечаталась в моем сознании, еще когда я был мальчишкой, и все благодаря моему учителю литературы, который всегда ставил публицистику Мильтона так же высоко, как и его поэзию. Однако мой прекрасный учитель, че-

ловек широких взглядов, все же подсознательно был настроен против того, что считал пропагандой, и полагал, что искусственная позолота «Портрета Дориана Грея» переживет «Оружие и человека» и «Другой остров Джона Булля»¹. Когда я стал старше, мне пришлось пересмотреть свое мнение о пропаганде. Я наткнулся на один из величайших сонетов Мильтона, который был чистой воды пропагандой; по мере расширения кругозора мне стало ясно, что некоторые лучшие представители литературы Нового времени – Вольтер, Гюго, Гейне, Свифт, Шелли, Байрон, Толстой, Ибсен – были не чужды пропаганде. Более широкий взгляд не просто обогатил мои представления о литературе, включив в нее литературную пропаганду; если раньше я по-детски искал в творчестве чисто эстетического удовольствия и удовлетворения своего любопытства, то теперь меня бросило в другую крайность: за любым по-настоящему интересным литературным произведением я усматривал пропагандистскую подоплеку, которая придавала ему силу и убедительность.

Принадлежность к черной расе, причастность к ее истории обусловила мое уважительное и чуткое отношение к пропаганде, а мировые события, начиная с 1914 года, доказали, что это не просто наука информировать и убеждать.

Американские негры еще недостаточно охвачены массовым движением и поэтому не понимают всей важности организованной пропаганды. Как раз в этом Маркус Гарви² был первопроходцем, в этом состоял его величайший вклад в негритянское движение, его подвиг – и за ним должны двигаться его последователи, люди с более широкими взглядами и здравыми идеями. Только впервые приехав в Европу в 1919 году³, я смог вполне осознать и оценить эффективность злокозненной пропаганды, направленной против негритянской расы. И это знание я получил не от горстки цивилизованных негодяев, которые, будучи за границей, занимались грабежом цветных народов у себя на родине; я приобрел это знание благодаря тем вопросам о неграх, которые задавали мне искренне сочувствующие и культурные люди.

Средние европейцы, которые читают газеты, популярные книги и журналы, ходят на обычные пьесы и фильмы с Мэри Пикфорд⁴, плохо разбираются в негритянской проблеме; они-то и составляют ту часть широкой публики, до которой могут достучаться негритянские пропагандисты. Для этих европейцев трагедия американского негра закончилась «Хижинкой дяди Тома» и Прокламацией об освобождении рабов⁵. Все, что им известно, – это комические минстрел-шоу⁶, водевили, киношные ампула кормилицы-негритянки и черного дядюшки, а еще бокс⁷, убогие романы и суд Линча над дикарем, изнасиловавшим красивую белую девушку.

Еще некоторые спрашивают, как там Букер Т. Вашингтон⁸, работает ли «Блэк Стар Лайн»; порой кто-то, не страдающий излишней скромностью и не блещущий умом, поинтересуется, почему даже угроза линчевания не может обуздать вождество, которое испытывают цветные мужчины к белым женщинам. Невежество, равнодушие и легкомыслие – этими тремя словами сказано все об отношении Западной Европы к неграм. Есть горстка высоколобых интеллектуалов, которые лучше представляет себе положение дел, но их влияние на общественное мнение ничтожно, так что белым американским пропагандистам, в чьих интересах представлять негров в ложном свете, не так уж трудно обратить всеобщее безразличие во враждебность, если только американские негры, которые должны обеспечивать интеллектуальную защиту расовых интересов, не смогут организоваться для того, чтобы по всему миру вести эффективную борьбу с белыми эксплуататорами и клеветниками.

Мировая война коренным образом изменила положение негров в Европе. Тысячи их были привезены из Америки, из британских и французских колоний для участия в борьбе великих держав. С тех пор в Англии произошли серьезные столкновения между местными жителями и неграми, осевшими в портовых городах. Франция использовала черные войска в качестве полиции в оккупированных районах Германии⁹. Их цвет кожи, их странные обычаи, вкупе с теми функциями, которые они исполняли, – все это сделало их присутствие раздражающим, невыносимым для местных жителей, которые раньше представляли себе негров как отважных дикарей-каннибалов. Кроме того, шовинизм питает сам факт присутствия этих войск на землях некогда гордой и властной расы, ныне униженной и испившей всю горечь поражения под штыками победителей.

Каким бы прекрасным ни был жест республиканской Франции по отношению к цветным, использование черных войск в Германии ради имперских целей должно вызывать безоговорочное осуждение передовой части негров. Пропаганда, которую должны вести негры в Германии, – это не черные войска, не их штыки в этой несчастной стране. Как рабы, мобилизованные имперской Францией, они ничем не могут помочь негритянскому движению, не в состоянии завоевать симпатии тех предусмотрительных международных белых организаций, чьи противники также являются непримиримыми врагами прогресса негритянской расы. Черные войска в Германии для мыслящих негров – это как белые войска в Индии, Сан-Доминго или Гаити. Гаитянские пропагандисты могли бы сделать все, что угодно с морскими пехотинцами, если бы они были черными, а не белыми американцами! Мировые потрясения привели три величайшие европей-

ские нации – Англию, Францию и Германию – к более тесным отношениям с неграми, и цветные американцы должны воспользоваться этой возможностью, чтобы содействовать более глубокому межрасовому взаимопониманию. Поскольку белые американцы в Европе пользуются ситуацией, чтобы усилить свою пропаганду против чернокожих, негры должны ответить на это сильным контрдвижением. Негры должны понять, что господство американского капитала сегодня, соответственно, увеличивает американское влияние в мировой политике и общественной жизни. Каждый американский чиновник за границей, каждый самодовольный турист – поборник долларовой культуры и антинегритянской пропаганды. Америка не только размахивает рузвельтовской дубинкой перед лицом братьев своих меньших в Новом Свете¹⁰, но и занесла экономическую дубинку над головами всех великих европейских наций, за исключением России, и поэтому те смелые люди в Западной Европе, которые раньше насмеялись над долларовой культурой, теперь, вероятно, почтут за благо скромно помалкивать. По мере того как американское влияние в мире, и особенно в Европе, увеличивается благодаря усилению американского капитала, растет необходимость широкой организации всех борющихся меньшинств Соединенных Штатов, чтобы весь мир узнал о наших бедах. Такие пропагандистские усилия не только помогут нашему делу внутри страны, но и, конечно, обеспечат нам сочувствие и помощь тех зарубежных объединений, которые ведут борьбу не на жизнь, а на смерть, чтобы избежать шупалец американских деловых кругов. И негры, как наиболее угнетаемое и преследуемое меньшинство, должны использовать этот период брожения в международных делах, чтобы негритянский вопрос перестал замалчиваться внутри страны и был поставлен как важнейший на международном уровне.

Хотя можно сказать, что Западная Европа совершенно невежественна и апатична в том, что касается положения негров в мире, в Европе есть одна великая нация, которая разумно подходит к негритянскому вопросу – как и ко всем прочим международным проблемам. Когда в 1917 году русские рабочие свергли свое ненавистное правительство, в числе первых актов нового премьера Ленина была декларация, приветствующая все угнетенные народы во всем мире и призывающая их организоваться и объединиться против общего международного угнетателя – частнособственнического капитализма¹¹. Позже в Москве Ленин сам занялся вопросом американских негров и выступил по этому поводу на Втором конгрессе Третьего Интернационала. Он советовался с Джоном Ридом, американским журналистом, и остановился на настоятельной необходимости пропагандистской и организационной работы среди негров Юга¹². И в дальнейшем этот вопрос не

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

замалчивался. Когда в 1921 г. японский ветеран революционного движения Сен Катаяма прибыл в Россию из Соединенных Штатов, в то поставил проблему американских негров на первое место в своей программе. И с тех пор он неустанно и бескорыстно работает в этом направлении, привлекая внимание Советов к негритянской проблеме в США¹³.

Установив контроль над гигантской страной и освободившись от империалистического гнета, передовой отряд русских рабочих и национальных меньшинств, вложивший столько энергии и мысли в дело возрождения производства, тем не менее, серьезно озабочен проблемами угнетенных классов, национальных и расовых меньшинств в остальной Европе, а также в Азии, Африке и Америке. Русские рабочие чувствуют, что это их братья по духу, и хотят помочь им освободиться. И не последнее место среди угнетенных, о которых думает новая Россия, занимают негры Америки и Африки. Если мы оглянемся на два десятилетия назад и вспомним, как преследование евреев в царской России взволновало демократическую Америку, то получим некоторое представление об отношении Свободной России к американским неграм. Русский народ узнаёт историю своего недавнего страшного прошлого в сегодняшней трагической ситуации американских негров. Действительно, южные штаты вполне могут служить иллюстрацией того, что произошло в России. Ведь если бы угнетенные белые бедняки Юга сумели изменить сознание и начали бы сообща с преследуемыми и ограбленными неграми бороться против угнетателей-олигархов – всех этих крэкеров¹⁴, работорговцев-политиков и грабителей-латифундистов – и лишили бы их политических привилегий, то положение дел было бы очень похоже на то, что происходит в Советской России сегодня.

В Москве я встретил старого еврея-революционера, отсидевшего срок в Сибири, а теперь помолодевшего и проникнутого духом победившей Революции. Мы говорили об американских делах и, естественно, затронули тему негров. Я рассказал ему о сложности негритянской проблемы, о том, что лучшие из либеральных белых также работали над улучшением положения негров, и он заметил: «Буржуазно-демократическая Америка проклинала царизм за еврейские погромы, а при этом подвергала ваш народ такому дикому и варварскому обращению, которое несравнимо с тем, что приходилось терпеть евреям в старой России. Америка, – с религиозным пылом заключил он, – должна была чем-то искупить свои грехи. Здесь, в России, нет пресыщенной буржуазии, которая делает своим коньком отвратительные социальные проблемы, но русские рабочие, вынесшие все тяготы гонений и революции, протягивают руку интернационального братства миллионам угнетенных американских негров».

Этот дух симпатии и понимания я ощущал повсюду в Москве и Петрограде. Я не имел ни малейшего представления о том, что меня ждет в России. Я уехал из Америки в сентябре 1922 года с намерением добратся туда, чтобы увидеть новую революционную жизнь народа и рассказать о ней. Едва я ступил на русскую землю, со мной стали обращаться как со знаменитостью – что повергло меня в немалое смущение, потому что я органически не переношу всякие почести. Но как ни странно, не было ничего неприятного в том, что меня захлестнули волны революционной России. Не знаю, к лучшему это, или к худшему, но факт тот, что каждого человека в России живо и глубоко затронула революция, и разве что мертвец может сейчас, находясь там, оставаться совершенно бесстрастным.

Я прибыл в Россию в ноябре¹⁵: в этом месяце там проходил Четвертый конгресс Коммунистического Интернационала¹⁶ и праздновалась пятая годовщина русской революции. Вся революционная нация была мобилизована, чтобы отметить это событие. Петроград был великолепен – всюду красные флаги и знамена. На всех гранитных зданиях развевались красные флаги – на фоне снега. Были украшены поезда, трамваи, фабрики, магазины, гостиницы. Это был месяц торжеств, в которых я как представитель негритянской расы принимал самое активное участие. Меня принимали так, будто все были заранее предупреждены о моем приезде и подготовились к нему. Когда мы с Максом Истменом¹⁷ 7 ноября пытались пробиться сквозь плотную толпу на Тверской, меня обступила дюжина крепких молодых людей: они остановили меня и стали качать, подбрасывая высоко в воздух.

«Надо же, как их взволновала твоя необычная внешность!» – заметил Истмен, но какой-то молодой русский коммунист тут же возразил: «Да что тут особенного? Есть индусы, у которых кожа еще темнее», а еще один добавил: «Черты лица другие. Индусы давно у нас живут, так что разница хорошо заметна». Меня все время обсуждали, так что, наконец, кровь бросилась мне в лицо. Московская пресса печатала большие статьи об американских неграх, какой-то поэт вдохновенно слагал стихи об африканцах, которые стремятся в социалистическую Россию, и вскоре я оказался нужен всем – на лекциях поэтов и журналистов, на солдатских и рабочих митингах и собраниях.

Россия, вообще говоря, это страна, где встречаются и смешиваются все расы Европы и Азии. При репрессивном бюрократическом царском режиме разные расы сохраняли известную доброжелательность и терпимость по отношению друг к другу. Лютой расовой ненависти, которая существовала на Балканах, никогда не было в России. В то время как у нас

на Юге ни один негр не мог рассчитывать на дружеское отношение крещеных, в старой России православный крестьянин был готов предложить еврейскому паломнику пищу и кров. Определить русский тип по внешним признакам весьма проблематично. Индусы, монголы, персы, арабы, европейцы – можно проследить, как все эти типы постепенно вливались в самобытное многоязычное население Москвы. Так что для русских я был просто-напросто еще одним типом – но чужим, пока еще им не знакомым. Я вызывал у них любопытство – у всех и каждого, у старых и молодых, но это было дружеское, приятное любопытство. В нем не было той невыносимой, явной, оскорбительной дерзости, которую любой темнокожий – негр, индус или араб, испытывает в Германии или Англии.

В 1920 году, когда я пытался выпустить сборник своих стихов в Лондоне¹⁸, я нанес визит Бернарду Шоу, который заметил, что для чувствительного, ранимого негра быть художником – это трагедия¹⁹. Шоу был прав. Некоторые английские рецензии на мою книгу черпали грязь с самого дна журналистской клоаки. Английские рецензенты, щедро оснащавшие критику расовыми предрассудками, превзошли даже своих американских собратьев (за исключением, конечно, южан – что несколько не удивило ни белых, ни, тем более, негров). Чинный меднолобый «Spectator» фактически заявил, что ни один «культурный» белый не может читать негритянскую поэзию без предубеждения, что он инстинктивно должен искать в ней «не-что», способное вызывать неприязнь. Но, к счастью, мистер Маккей не оскорбил наши тонкие чувства!²⁰ Для всех англичан, от низшего до высшего слоя, негр – это непременно или эстрадный артист, или боксер, или баптистский проповедник, или лакей. С немцами еще хуже. Любой здоровый на вид и не лишенный авантюрной жилки черномазый енот²¹ отлично может сойти за нового Сики²² или чечеточника²³. Когда один американский писатель представил меня очень культурному немцу, ценителю искусств как поэта, тот никак не мог в это поверить (думаю, до сих пор так и не поверил). Один американский студент сообщил квартирной хозяйке, даме из среднего класса, что пригласил на обед своего чернокожего друга. «А Вы уверены, что он не каннибал?» – спросила она без тени улыбки!

Между тем в Петрограде и Москве я не заметил ни следа этого невежественного снобизма среди интеллигенции, а отношение простых рабочих, солдат или матросов вообще было примечательным: в своей прекрасной наивности они видели во мне чернокожего брата, представителя человечества. Можно было бы предположить, что расположение русских к неграм – следствие большевистской пропаганды. Но дело в том, что большую часть свободного времени я проводил в беспартийных и антибольшевистских

кругах. Отель «Люкс»²⁴ в Москве угнетал меня, тамошний ресторан был сущим проклятием, и мне до смерти надоели пролетарские делегаты из разных стран, которые напускали на себя такой постный вид, словно они были посланцами Царя Небесного, а не представителями рабочего класса. Поэтому я нередко проводил вечера в кафе «Домино»²⁵, славном логове литераторов-любителей. Бывали там анархисты и меньшевики, и разные молодые люди, жаждущие почитать свои сочинения и поспорить о литературе. Однажды я видел там романиста Пильняла [Б. Пильняка. – *О.П.*], критика Оконоффа²⁶, Феодора – переводчика По²⁷, одного редактора, театрального режиссера и их молодых последователей: сидя за кружкой пива, они вели интереснейшую литературную дискуссию. Здесь всегда была музыка, отлично пели народные песни и очень плохо играли на скрипке. Место это больше напоминало второразрядное кабаре, чем поэтический клуб, но несмотря на это, там было хорошо – милая беседа, дружеские шутки – все, что нужно для приятного вечера. В этой непринужденной обстановке я отдыхал после трудового дня за письменным столом.

Вечера пролетарских поэтов на Арбате²⁸ были более серьезными. Там во главе стояли коммунисты, публика была рабочая, слушатели внимали всему, как отличники-первоклашки. На эти встречи приходили люди более острого ума, чем те, что собирались в кафе «Домино». Одна молодая женщина сказала мне, что она не хочет пропустить ничего из того, что появляется в современной культуре. В Петрограде встречи интеллигенции показались мне более формальными, круг более широким. Там были такие выдающиеся люди, как критик Чуковский, знаменитый романист Евгений Замятин и Майшак (Маршак. – *О.П.*) – поэт и переводчик Киплинга. Были и представители артистического и театрального мира. На этих собраниях интеллигенции отсутствовал коммунистический дух. Если быть совсем честным, надо признать, что чувствовалась какая-то враждебность к большевикам. Меня приглашали выступить, прочесть стихи, и все относились ко мне вежливо и внимательно. В кругу этих утонченных, культурных русских, многие из которых говорили на двух или даже четырех языках, нельзя было столкнуться ни с чрезмерной корректностью, ни, напротив, с вульгарным высокомерным удивлением при виде негра-поэта. Я был для них просто поэтом, и их острые вопросы демонстрировали, что их интересует моя поэтическая техника и мое мнение о современных литературных течениях, а не цвет моей кожи. Впрочем, я не поручусь, что это маленькое отличие не представляло для них вовсе никакого интереса!

В последний свой приезд в Петроград я жил во дворце Великого князя Владимира-Александра, брата царя Николая II²⁹. Старенький, добрый дво-

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

рецкий, который заботился обо мне, бродил, словно призрак, по огромным царским покоем. Сейчас это здание стало штабом петроградской интеллигенции. Великолепный портрет Великого князя стоит в столовой за занавесками. Мне говорили, что он был свободомыслящим, покровительствовал искусствам, что его любила русская интеллигенция. Атмосфера в доме была чужда политике только на словах, а на практике я сразу ощутил явственную враждебность к большевистской власти. Но и здесь у меня были только приятные встречи, просвещающие беседы с обитателями дома и его гостями, которые открыто выражали свое неприятие советской власти, хотя им было известно, что я сочувствую новому режиму.

В первые дни после приезда я полагал, что все эти проявления дружелюбия связаны с радостной, приподнятой атмосферой юбилея. Только по прошествии месяца я смог наконец спокойно закончить книгу об американских неграх, которую мне заказал Гослитиздат³⁰, и понемногу начать заводить новые интересные знакомства. Однако все время, пока я был в России, воодушевление людей и их теплые чувства ко мне только усиливались. С заводскими рабочими, краснозвездными солдатами и матросами, с пролетарскими студентами и с детьми было потрудней, чем с интеллигенцией. На каждом митинге меня шумно приветствовали, окружали плотной толпой и всячески изъявляли дружеские чувства. Сотрудницы крупного московского банка настойчиво расспрашивали меня об условиях труда цветных женщин в Америке, и после краткого рассказа стали задавать конкретные вопросы о должностях, которые могут занять цветные женщины, об их заработной плате, об их отношениях с белыми работницами. Многих подробностей не знал, но когда мне удалось справиться с ответами, русские женщины приняли резолюцию, в которой приветствовали цветных работников Америки, призывали их создать свою организацию и делегировать представительниц в Россию. Ту же тему поднял и отдел пропаганды Петроградского Совета, которым руководит Николева (Николаева. – *О.П.*)³¹, очень энергичная женщина. Там мне рассказали о том, как революция 1917 года изменила положение русских женщин. Это возможность для женщин занимать любые должности, которые соответствуют их способностям; равная оплата труда; сохранение полной заработной платы в период беременности; декретный – два месяца до два месяца после родов. Развод получить легко – без денег, крючкотворства и бюрократических проволочек. Специальный отдел занимается вопросами совместного имущества, опеки и обеспечения детей. Аборты разрешены, дети, рожденные вне брака, не считаются «незаконнорожденными», закон никак не ущемляет их права.

Все тяготы, которые испытывали угнетенные низшие классы и национальные меньшинства в старой России, характерны и для миллионов негров в Соединенных Штатах, которые все еще находятся в бедственном положении. У нас негры не могут служить на флоте и занимать высшие армейские чины – точно так же дискриминировали евреев, рабочих и крестьянских детей в Российской империи. Совершенно очевидно, что в Советской России нет и не может быть подобной дискриминации, поскольку страной теперь управляют объединившиеся нацменьшинства, крестьянство и пролетариат. С разрешения военного наркома Льва Троцкого, я посетил ряд высших военных школ в Кремле и в окрестностях Москвы. И там я увидел новый человеческий материал – сыновей трудящихся. Этим новым кадетов обучают старыми офицеры, выходцы из высшего класса. В течение двух недель я был гостем Красного флота в Петрограде, и там представители энергичной пролетарской молодежи новой России показали мне хитрые механизмы подлодок, самолеты, захваченные под Петроградом у английских интервентов, и строительство военного корабля. Еще интереснее было наблюдать жизнь матросов и офицеров – несложную дисциплину, которую все строго соблюдают, общий для всех рацион питания, дополнительные политзанятия, невероятный такт и гибкость комиссаров. Все коммунисты играют роль советчиков и третейских судей для солдат, курсантов и офицеров. Два или три раза меня угощали кашей, которая иногда используется как гарнир. В Москве я очень полюбил кашу, но достать ее было трудно. Раньше я думал, что это невкусная и вредная еда, что русские крестьяне питаются ей, поскольку они очень бедны. Однако оказалось, что это чудесное, очень питательное блюдо, если его правильно приготовить – положить туда немного мяса и сбобрить маслом. Это вареная крупа, похожая на наш популярный и очень любимый у нас в Вест-Индии рис с горохом³².

Красные кадеты предстают в самом лучшем свете и в спортзале, и на политзанятиях, где строгая дисциплина временно отменяется. Словно оказываешься в атмосфере самых первых революционных дней – какие убедительные речи! Какой пламенный энтузиазм! Мне доводилось выступать и на этих собраниях. Курсанты задавали мне вопросы о неграх в американской армии и флоте, и когда я рассказывал им то, что известно всем американским неграм, курсанты, офицеры и комиссары дружно предлагали группе молодых американских негров пройти обучение в России, чтобы стать офицерами советской армии и флота. В Москве студенты-выходцы из пролетариата интересовались жизнью негритянских студентов. Они просили передать слова поддержки и добрые пожелания негритянским студентам Америки и в знак товарищеской дружбы сделали негров-делегатов от

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

американской компартии, в том числе и меня, почетными членами Московского Совета³³.

Дни, проведенные в России, навсегда останутся в моей памяти. Коммунистам-интеллектуалам и интеллигенции было интересно узнать, что в Америке уже возник внушительный слой негритянской интеллигенции и специалистов со своей своеобразной литературой, с особыми культурными и деловыми интересами, чуждыми белому человеку, и они, естественно, думают, что активисты-лидеры интеллигенции должны улавливать и выражать тот бунтарский дух, который дремлет в молчаливых негритянских массах – именно через такие фазы прошло освободительное движение масс в России. В России ждут и готовы принять посланников и глашатаев доброй воли от негритянской расы. Демонстрация дружелюбия и признание равенства негров способствует установлению здоровых отношений между Советской Россией и демократической Америкой. Скоро наши антропологи, все сплошь стопроцентно белые американцы, призовут на помощь науку и докажут, что русские – не настоящие Богом избранные белые люди. Я столкнулся с антинегритянской пропагандой даже в России. Мой друг, московский интеллигент, передал мне слова из интервью некой дамы одной датской газете: меня-де нельзя считать типичным образчиком негра; она жила в Америке и считает всех негров ленивыми, испорченными, порочными, опасными для белых женщин. В Петрограде похожую историю я услышал от Чуковского, критика, который был дружен с одним высокопоставленным работником АРА и его женой-южанкой³⁴. Чуковский – интеллигент- «западник». Так называют тех русских, которые ставят западноевропейскую цивилизацию выше русской культуры и считают, что спасение России заключается в полной вестернизации. В юности он жил в Лондоне и обожает все английское, а во время мировой войны был проанглийски настроен. Он также искренне восхищается американской демократией. В его прекрасной библиотеке больше английских и американских книг, чем русских, и он считает «Нью-Йорк Таймс» с ее литературным разделом изданием очень высокого уровня. Он настоящий англоман и фанатичный поклонник англо-американской культуры. Чуковский весьма скептически воспринял мои рассказы о положении негров в Америке.

«Американцы – люди очень энергичные и одаренные, – сказал он. – Зачем им вести себя так низко и мелочно по отношению к расовому меньшинству?» А потом он рассказал о своем пребывании в Лондоне, и от этого рассказа потянуло крэкерским душком. Воспроизвожу его здесь, будучи уверенным, что история эта подлинная, поскольку Чуковский – человек честный и порядочный.

В самом начале века он поехал в Англию в качестве корреспондента одесской газеты³⁵, но, оказавшись в Лондоне, в основном предавался поэтическим грезам, читал английскую литературу в библиотеке Британского музея и лишь изредка отправлял домой кое-какие новости. В итоге он потерял работу и был вынужден переселиться в дешевые меблированные комнаты. Через несколько недель после переезда на новое место прибыл новый постоялец – чернокожий американский священник. Проповедник снял комнату на верхнем этаже и стал появляться в общей столовой и гостиной. Среди жильцов была семья белых американцев, и они стали возражать против присутствия негра в доме и, в особенности, в гостиной и обеденной зале. Хозяйка оказалась в затруднительном положении: она не хотела потерять ни своих американских постояльцев, ни тех денег, которые платил священник. В конце концов она договорилась с белыми американцами, что негр останется жить в гостинице, но не будет появляться в общих для всех гостей помещениях. Компромисс был достигнут, и Чуковского попросили известить негра об этом решении. Чуковский поднялся наверх, чтобы сообщить проповеднику плохую новость и постараться смягчить неприятную правду. Однако чернокожий постоялец не слишком обиделся:

– Белые жильцы в своем праве, – заявил он, предвосхищая Гарви, – Ведь они принадлежат к высшей расе.

– Но я не имею ничего против Вас, – заверил его Чуковский. – Для меня между Вами и всеми остальными нет никакой разницы, у нас в России нет расовых предрассудков. На это проповедник философски заметил:

– Вы очень добры, но я, опираясь на авторитет Писания, не считаю русских белыми людьми.

Перевод с англ. Ольги Пановой

Публикуется по источнику: *McKay C. Soviet Russia and the Negro // The Crisis. Vol. 27, nos 2–3. December 1923 – January 1924, pp. 61–65, 114–118.*

¹ К. Маккей противопоставляет эстетский роман О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1891) остросоциальной драматургии Б. Шоу, приводя в пример его антивоенную пьесу «Оружие и человек» (1894) и политическую комедию об Ирландии «Другой остров Джона Булля» (1904).

² Маркус Гарви (1887–1940) – уроженец Ямайки (земляк Маккея), создатель Всемирной ассоциации по улучшению положения негров – УНИА (Universal Negro Improvement Association – UNIA, осн. 1914), штаб-квартира которой с 1916 г. находилась в Гарлеме. Гарви отстаивал принцип раздельного проживания черной и белой расы, был сторонником расовой чистоты негров, выступал против расового смешения. Частью деятельности УНИА был проект репатриации негров из Нового Света и Европы в Африку. Для этого Гарви была создана паромная компания Black Star Line. В то время, когда Гарви проживал в США (1916–1927) гарвеизм стал по-

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

настоящему массовым движением: к 1920 году УНИА имела почти 2 тыс. филиалов в 40 странах. После банкротства парходной кампании Black Star Line, обвинений в мошенничестве, судебных процессов и тюремного заключения (1922–1927) Гарви был выслан из США на Ямайку. В конце 1910-х гг. Маккей интересовался идеями и движением Гарви, писал для газеты *Negro World* – органа УНИА. Маккей был участником и одним из лидеров Африканского кровного братства (African Blood Brotherhood – ABB), организации, созданной в 1919 г. в Нью-Йорке журналистом Сирилом Бриггсом (Cyril V. Briggs, 1888–1966), который, как и Маккей, был уроженцем Вест-Индии. ABB изначально ставило своей целью деколонизацию Африки, репатриацию «черной дисапоры» на африканский континент и солидаризовалось с Маркусом Гарви и его UNIA; однако после расовых погромов «красного лета» 1919 года лидеры ABB С. Бриггс и К. Маккей сменили платформу и выдвинули в качестве главной задачи борьбу с расизмом и самозащиту от линчеваний и расправ вплоть до вооруженного сопротивления белому террору. С 1920 г. ABB окончательно размежевывается с гарвеизмом и берет курс на сближение с коммунистами, что заканчивается слиянием Братства с компартией США в 1922 г.

³ В 1919 г. Маккей отправился из США в Лондон, вероятно, во избежание осложнений с Министерством юстиции США, боровшегося с левым движением, и в особенности с организацией «Индустриальные рабочие мира», в которой состоял Маккей. В 1919–1920 гг. в Лондоне Маккей был завсегдатаем Солдатского клуба в Друри-лейн, Социалистического клуба в Ист-энде, сотрудничал с социалистическим журналом *Workers' Dreadnought* по приглашению Сильвии Панкхерст, участвовал в деятельности Социалистической рабочей федерации и создании британской компартии (осн. 1920).

⁴ Мэри Пикфорд (1892–1979) – американская актриса, уроженка Канады, звезда немого кино, обладательница премии «Оскар» (1930). Ее внешность – миниатюрная фигура, детское личико, обусловила ее амплу бедных девочек и девушек-подростков, обездоленных сирот, жертв несправедливости, которые вызывали сочувствие и симпатию зрителей.

⁵ Прокламацией об освобождении рабов (Emancipation proclamation) называют два указа президента Линкольна (от 22.09.1862 и 1.01.1863) об отмене рабства и объявлении свободными всех рабов во всех штатах США. Отмена рабства была закреплена Тринадцатой поправкой в Конституции США 31.01.1865.

⁶ Минстрел-шоу или шоу менестрелей – вид развлекательных театральных представлений, возникший в США в конце 1820-х гг. Шоу включали комические сценки из негритянской жизни на плантациях, песни, танцевальные номера. Персонажи представляли собой готовые амплу – характерные типажы (черный лакей – «дядюшка», черная кормилица – «мамми», мулатка-красотка, «черномазый весельчак», негритята – шалуны и лакомки, негр-модник и т.д.). Вначале шоу исполнялись только белыми артистами в негритянском гриме («блэкфейс»), однако уже в середине XIX в. стало появляться все больше негритянских минстрел-трупп. Минстрел-шоу оставались частью театральной и музыкальной культуры в эпоху Гарлемского ренессанса, и позже элементы минстрел встречаются в разных сферах американской развлекательной индустрии. После революции 1960-х минстрел-шоу были заклеены как расистские, построенные на расовых стереотипах и предрассудках.

⁷ В 1908 г. чернокожий американский боксер Джек Джонсон победил канадца Томми Бернса и стал первым чемпионом мира в тяжелом весе. Американская публика нетерпеливо ждала появления «надежды белых» – боксера, который забрал бы чемпионский титул у негра и вернул его белой расе. В 1910–1920-е бои между черными и белыми боксерами в США стали восприниматься как соперничество двух рас. Американская нация смогла признать чернокожих боксеров-победителей (Джесси Оуэнса, Джо Луиса) общенациональными героями только в 1930-е.

⁸ Букер Т. Вашингтон (1856–1915) – афроамериканский политик, просветитель, оратор, архитектор «Атлантического компромисса», который основывался на идее «сегрегации во имя прогресса», сосуществовании двух рас по принципу «отдельно, но с равными правами» (*separate but equal*). Свою социально-политическую концепцию Букер Т. Вашингтон изложил в речи на промышленной выставке в Атланте, шт. Джорджия в сентябре 1895 г.; концепция была принята белым истеблишментом как основополагающий принцип решения расовой проблемы. Букер Т. Вашингтон пользовался поддержкой деловых, политических кругов и президента США и использовал свое влияние для просвещения и прогресса черной расы. Он был создателем Университета Таскиги (осн. 4.07.1881), миссией которого было облегчить афроамериканцам доступ к высшему образованию и подготовить афроамериканских специалистов в области педагогики, инженерного дела и других практических специальностей. В 1912 г. Маккей приехал с Ямайки в США на учебу в Таскиги; по его собственному признанию, он «возненавидел полувоенный механистический уклад (*semi-military, machinelike existence*) школы Букера Т. Вашингтона» (см. *Claude McKay describes his own life // Pearson's Magazine. Vol. 39. No 5, 1918*) и вскоре перевелся в Канзасский государственный колледж.

⁹ В ходе оккупации Рейнской области Германии вооруженными силами Антанты (декабрь 1918 – июнь 1930), начавшейся по условиям Компьенского мирного договора (18.11.1918) и продолжившейся по условиям Версальского мира, Франция использовала колониальные воинские части, в частности, сенегальских стрелков; их численность в 1919 г. составляла от 25 до 40 тыс. Еще в ходе войны немецкая пропаганда, особенно в консервативной прессе, сформировала в Германии представление о французских колониальных войсках как о варварах, каннибалах, так что немецкие солдаты боялись сдаваться в плен чернокожим военным. Во время оккупации Рейнской области в Германии началась паника, нагнетавшаяся прессой, и получавшая название «черного позора» (*die schwarze Schande* или *dies schwarze Schmach*). Африканские оккупационные войска обвиняли в совершении массовых насильственных преступлений и изнасилованиях. Известно, что некоторые немки выходили замуж за чернокожих солдат; появлялись и незаконнорожденные дети. Они получили уничижительную кличку «рейнландские ублюдки»; во время Третьего рейха их насильственно стерилизовали (см. об этом, напр.: *Camp, Tina. Other Germans: Black Germans and the Politics of Race, Gender, and Memory in the Third Reich. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2004; Roos, Julia. Women's Rights, Nationalist Anxiety, and the «Moral» Agenda in the Early Weimar Republic: Revisiting the «Black Horror» Campaign against France's African Occupation Troops // Central European History Journal. 2009. Vol. 42, pp. 473–508*).

Оккупация Рейнланда была ознаменована целым рядом обострений – «Рурских конфликтов». В ходе Рурского конфликта 1920 г. произошли беспорядки во Франк-

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

фурте, закончившиеся столкновением гражданского населения с французскими оккупационными войсками. 9 апреля 1920 г. социалистическая газета *Daily Herald* начала кампанию против присутствия французских колониальных оккупационных войск в Германии, опубликовав на первой полосе репортаж «Кровопролитие во Франкфурте: французские чернокожие войска стреляют по гражданам из автоматов» ('Frankfurt Runs With Blood / French Black Troops Use Machine Guns on Civilians'). На следующий день, 10 апреля, в газете появилась статья журналиста, политика и известного пацифиста Эдмунда Д. Морела «Черные – бич Европы: сексуальный террор, развязанный французами на Рейне» ('Black Scourge in Europe: Sexual Horror Let Loose by France on the Rhine'), в которой автор отдавал дань расистским стереотипам о неграх как сексуальной угрозе для белой расы. В заметке, сопровождавшей публикацию статьи, и в передовице этого номера редактор *Daily Herald* Джордж Лэнсбери заявил, что газета борется с расовыми предрассудками, но при этом воспроизвел ряд клише о недоцивилизованности и гиперсексуальности черной расы. 11 апреля Маккей прислал в редакцию *Daily Herald* письмо с критикой статьи Э. Морела. Лэнсбери не стал его печатать и даже не ответил Маккею. Ответ Маккея на материалы *Daily Herald* опубликовала в своем журнале Сильвия Панкхерст (*McKay C. The Black Man Replies // Workers' Dreadnought. 24 April, 1920*). Маккея особенно обескуражило появление столь одиозных форм расистской пропаганды в социалистическом журнале, что способствовало проникновению расовых предрассудков в рабочую среду. Он был поражен тем, что на съезде профсоюзов (сентябрь 1920) участникам раздавали листовки «Ужас на Рейне» со статьей Э. Морела, что в поддержку Э. Морела выступили лидеры рабочего движения, например, глава Федерации шахтеров Роберт Смилли, которого Маккей лично знал, очень уважал, и о котором написал статью в журнале С. Панкхерст (*C.E. Edwards [McKay C.], Robert Smillie // Workers' Dreadnought. 14 August 1920*).

Находясь в Советской России, Маккей после встречи с Л. Троцким адресовал ему письмо, где подробно описал реакцию британских левых кругов и прессы на «рейнскую панику» и дал свою оценку этому эпизоду. Этот текст Маккея был опубликован в «Правде» (1 апреля 1923 г.). Ответ «товарищу Маккею», в котором Троцкий сформулировал свой взгляд на Рурский конфликт и его расовый аспект, появился в советской печати раньше – 15 февраля 1923 г. его одновременно напечатали «Правда» и «Известия».

«Черный позор» обсуждался и в американской прессе, и в среде высших государственных чиновников США. Так, например, генерал Генри Туреман Аллен в письме госсекретарю США выражал убеждение, что убийства, похищения, насилия и прочие преступления в большинстве своем приписываются чернокожим французским военным немецкой пропагандой (*Finds Negro Troops Orderly On Rhine; General Allen Reports Charges are German Propaganda, Especially for America // New York Times. 1921. 20.02*). Дискуссии о том, в какой мере «паника на Рейне» имела по собой основания, а в какой степени она объясняется расистскими предрассудками и пропагандой продолжается до сих пор.

¹⁰ Речь идет о поправке Т. Рузвельта (*Roosevelt Corollary*) к доктрине Монро. Эта поправка была озвучена в послании президента Конгрессу США 6 декабря 1904 г. Рузвельт заявил, что на США лежит обязанность предотвращения политиче-

ских и экономических кризисов и обеспечения стабильности в странах Латинской Америки и Карибского бассейна. Поправка Т. Рузвельта стала обоснованием т.н. «политики большой дубинки» (Big Stick policy), которая оправдывала установление политического и экономического контроля за странами Латинской Америки, а в случае необходимости и вооруженную интервенцию. Отказ от этой политики произошел только при президенте Ф. Д. Рузвельте, который в начале 1933 г. провозгласил новый принцип – «политику добрососедства» (Good Neighbor policy).

¹¹ Скорее всего, речь идет об обращении «Народам воюющих стран» (не позднее 14 (27) ноября 1917), которое было подписано комиссаром по иностранным делам, председателем СНК В. Ульяновым (Лениным). Может быть, имеется в виду «Воззвание к трудящимся массам всех стран» (8 (21) декабря 1917) ВЦИК и других организаций. См.: Декреты Советской власти. Т. I: 25 октября 1917 г. –16 марта 1918 г. М.: Гос. издат-во политической литературы, 1957. С. 86–88, 188–189.

¹² Расовый вопрос в США с самого начала привлекал внимание архитекторов русской революции. Уже с 1919 г., т.е. с момента проведения Первого панафриканского конгресса (Париж, 19–22 февраля 1919 г.) в Коминтерне зрела идея созыва всемирного негритянского съезда под эгидой мирового коммунистического движения (см.: Письмо Малого бюро ИККИ от 25.2.1919 г. Джону Риду. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 1). Джон Рид составил на имя Г.Е. Зиновьева большую докладную записку о положении негров в Америке (см.: Докладная записка Джона Рида Г. Зиновьеву о негритянском вопросе в США. 31.12.1919. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 1. Л. 3–11). Внимание к «негритянскому вопросу» в США проявил лично В.И. Ленин в ходе подготовки ко II Конгрессу Коминтерна (1920), на котором одним из главных пунктов повестки стала проблема колониализма, угнетенных наций и национальных меньшинств. Готовя тезисы к докладу и резолюцию по национальному и колониальному вопросу, Ленин включил пункт «Негры в Америке» в список наиболее актуальных вопросов, а также отметил: «...необходима прямая помощь всех коммунистических партий революционным движениям в зависимых или неравноправных нациях (например, в Ирландии, среди негров Америки и т. п.) и в колониях» (*Ленин В.И.* Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам (для Второго съезда Коммунистического Интернационала) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41: май-ноябрь 1920. М.: Изд-во политической лит., 1981. С. 161, 165).

¹³ Сен Катаяма (1859–1933) – японский коммунист, видный деятель Коминтерна. Происходил из крестьянской семьи. Неоднократно жил по несколько лет в США. В 1884–1892 гг. учился в Гриннел-колледже, университете Фиска, Йельском университете, увлекся социализмом. В 1904–1906 гг. занимался сельскохозяйственным трудом в Техасе, присутствовал на съезде социалистической партии США в Чикаго (1904). В 1914–1916 гг. также проживал в США, участвовал в левом движении, создавал коммунистические группы японских рабочих. В 1918 г. переехал в Советскую Россию, работал в Коминтерне (член Президиума ИККИ). Окончил Коммунистический университет трудящихся Востока. Умер в Москве, захоронен в Кремлевской стене. Сен Катаяма был близок к Джону Риду и его сторонникам; как и Джон Рид, придавал важное значение негритянской проблеме в США. См.: Из заявления члена Президиума ИККИ Сен Катаямы по негритянскому вопросу. 22.V.1923 г. Из докладной записки

Сен Катаямы К. Радеку. 14.VII.1923 г. / Пер. с англ. В.П. Городнова // Коминтерн и Африка: Документы. СПб.: Алетей, 2003. С. 93–95.

¹⁴ «Крэкер» (cracker) – кличка белых у афроамериканцев; изначальное значение слова – шелкающий бич или плетка. Эта кличка применяется к южным белым беднякам, а также к любым белым, которые смотрят на негров сверху вниз с чувством расового превосходства.

¹⁵ В своих мемуарах «Далеко от дома» (1937) Маккей подчеркивает, что ему пришлось самостоятельно изыскивать средства и способы попасть на конгресс (*McKay C. A Long Way from Home* (1937). New Brunswick, NJ; London: Rutgers University Press, 2007, pp. 121–122): в сентябре 1922 г. он отбыл из Нью-Йорка в Британию, нанявшись коچهгаром на грузовое судно, потом через Берлин вместе с делегацией Британских коммунистов добрался до СССР. См. об этом также: Письмо К. Маккея в Секретариат ИККИ (весна 1923 г.) / пер. с нем. О. Губецкова // Литература двух Америк. 2019. № 6. С. 265–267.

¹⁶ IV Конгресс Коммунистического Интернационала открылся 5 ноября 1922 г. в Петрограде, 9 ноября – 5 декабря продолжил и завершил работу в Москве. В нем участвовали 408 делегатов от 66 партий и организаций из 58 стран.

¹⁷ Макс Истмен (1883–1969) – левый активист, литератор, поэт, переводчик, редактор, критик, публицист. Несколько лет возглавлял *The Masses* – журнал левой богемы и интеллигенции; после закрытия *The Masses* вместе со своей сестрой, адвокатом, журналистом, феминисткой Кристал Истмен, создал социалистический журнал *The Liberator* (осн. 1917). В 1919 г. Клод Маккей познакомился с Максом Истменом и его сестрой и по приглашению Истмена до 1922 г. работал в *The Liberator* выпускающим редактором. В *The Liberator* (июльский вып. за 1919 г.) Маккей опубликовал прославившее его стихотворение «Коль умереть нам суждено» (“If We Must Die”). Маккей виделся в России с Истменом, который был делегатом IV Конгресса Коминтерна. Во время своего пребывания в СССР (осень 1922 – лето 1924) Истмен стал последователем Льва Троцкого, наблюдал его борьбу со Сталиным и после отъезда из СССР вывез на Запад и опубликовал в печати т.н. «Завещание Ленина» («Письмо к съезду»; конец 1922), содержащее резкую критику Сталина и предложение отстранить его от власти. Этот поступок, а также его собственные публикации, посвященные СССР, сделали «троцкиста Истмена» врагом сталинского режима и противником просталински настроенных американских левых. Знакомство с реалиями «страны победившего социализма» привело Истмена к пересмотру взглядов на марксизм и социализм. При этом он продолжал интересоваться СССР и Россией, и этот интерес находил выражение в переводческой деятельности (перевод на англ. сочинений Л. Троцкого, в т.ч. трехтомной «Истории русской революции», «Гавририады» Пушкина и т.д.) и многочисленных публикациях, в т.ч. о русской и советской литературе. Широкую известность получила его книга «Художники в униформе» (*Artists in Uniform*, 1934), посвященная положению советских писателей при сталинском режиме.

¹⁸ В Лондоне был издан поэтический сборник Маккея «Весна в Нью-Гэмпшире» (1920): *McKay C. Spring in New Hampshire and Other Poems*. London: Grant Richards Ltd., 1920. Опубликовать сборник Маккею помог Чарльз Огден, создатель и редактор журнала *Cambridge Magazine*. В своем журнале Огден опубликовал подборку из 23 стихотворений Маккея (*Cambridge Magazine*. Vol. X. No 1, 1920).

¹⁹ Для Маккея Б. Шоу был одним из кумиров: «Я считал Бернарда Шоу самым мудрым и глубоким среди ныне живущих интеллектуалом» (I considered Bernard Shaw the wisest and most penetrating intellectual alive) (*McKay C. A Long Way from Home*, p. 51) и мечтал лично познакомиться с ним. Фрэнк Харрис, редактор *Pearson's Magazine*, снабдил Маккея рекомендательным письмом к Шоу. В 1920 г. Маккей побывал в доме у Шоу (10 Adelphi Terrace). Этот визит Маккей подробно описывает в 5 главе («Приключения в поисках Бернарда Шоу») своих мемуаров «Далеко от дома». В частности, Маккей передает следующие слова Шоу: «Должно быть, для чувствительного негра быть поэтом – это трагедия. Почему Вы не выбрали кулачный бой вместо поэзии в качестве профессии? <...> Благодаря тренировкам из Вас мог бы получиться преуспевающий боксер. А поэты всегда бедствуют, если у них нет империи, которую они, подобно Киплингу, могли бы прославлять и рекламировать» (*McKay C. A Long Way from Home*, pp. 52-53).

²⁰ В этой анонимной рецензии, помещенной в *The Spectator*, поэзия Маккея оценивалась как интересная и мастерски сделанная; рецензент привлекал внимание читателей к тому, что ее автор – «чистокровный негр», подчеркивал хороший вкус и сдержанность любовной лирики, которая нигде не «перешагивает барьеров», начисто лишена малейших раздражителей, способных пробудить у белого читателя «глубинный расовый инстинкт» и настроить его против черного поэта:

Пожалуй, первым побуждением рядового читателя, узнавшего, что это книга американского негра, будет поинтересоваться, соответствует ли она требованиям хорошего вкуса. Мы сможем искренне и благожелательно судить о ней не раньше, чем убедимся, что это сочинение не нарушает границ, которые мы постоянно ощущаем благодаря живущему в нас необъяснимому, но очень глубокому инстинкту. Мистер Клод Маккей ничем не оскорбляет наших чувств и взглядов. В его любовной лирике нет ни следа того, что могло бы – сознательно или неосознанно – настроить против него наши расовые инстинкты (*Poets and poetry // Spectator. 23 October 1922, p. 539*).

²¹ Енот (coon) – шутливая, уничижительная кличка негров, распространенная на американском Юге.

²² Баттлинг Сики (Battling Siki, наст. имя Луи Фаль, 1897–1925) – французский чернокожий боксер-профессионал, уроженец Сенегала. Чемпион Европы и мира (1922) в полутяжелом весе, выигравший этот титул в шестом раунде у белого французского боксера, чемпиона Европы Жоржа Карпантье. В Париже был героем светской прессы благодаря эпатажному поведению – ярким костюмам, прогулкам со львом на поводке и т. п. В 1925 г. при невыясненных обстоятельствах был застрелен в Нью-Йорке.

²³ В оригинале «buck dancer» (то же, что clogging, jugging, foot-stomping) – американский фольклорный стиль танца в стиле кантри (блюграсс), в котором смешаны английские, ирландские, шотландские, афроамериканские танцевальные традиции, и отличительной чертой которого является ритмическая ударная работа ног. Предшественник эстрадного степа или чечетки.

²⁴ «Люкс» (ул. Тверская, 36) – гостиница Коминтерна.

«Советская Россия и негр»: Клод Маккей в Советском Союзе (1922–1923)

²⁵ Самый популярный в Москве литературный клуб, расположенный по адресу ул. Тверская, д.18, где проходили собрания московского отделения Всероссийского союза поэтов.

²⁶ Очевидно, имеется в виду Иван Александрович Аксенов (1884–1935) – поэт, литературный критик, литературовед, переводчик, друг Гумилева, Ахматовой, участник группы «Центрифуга», объединения конструктивистов, сподвижник Мейерхольда, переводчик английских драматургов-елизаветинцев.

²⁷ Маккей имеет в виду Василия Павловича Федорова (1883–1942) – уроженца Перми, выпускника Казанского университета, одного из создателей Ордена дерзко-поэтов, переводчика Верхарна, По и др. В 1923 г. в московском издательстве «Первина» вышла книга Э. По «Поэмы и стихотворения» в переводах В.П. Федорова.

²⁸ Возможно, имеется в виду студия Пролеткульта, располагавшаяся в бывшем особняке Арсения Морозова (ул. Воздвиженка, 16).

²⁹ Дом Ученых в Петрограде – «Владимирский дворец» (Дворцовая наб., 26 / ул. Миллионная, 27). Дворец Великого князя Владимира Александровича Романова был сооружен по проекту А.И. Резанова в 1867–1868 гг. После 1917 г. там находился театральный отдел Наркомпроса (с конца 1918), затем – издательство «Всемирная литература» (с 1919). Дом Ученых был открыт в здании 31 января 1920 г. решением Петросовета по инициативе Петроградской комиссии по улучшению быта ученых (председателем Комиссии был Максим Горький). Там Маккею выделили комнату для проживания, и он мог участвовать в проходивших там встречах творческой и научной интеллигенции. В 1920–1930-е в Доме Ученых еженедельно по субботам проходили научные доклады, по четвергам работал публичный лекторий, проводились встречи, дискуссии, концерты. В октябре 1920 г. Дом Ученых посетил Герберт Уэллс (описавший это посещение в книге «Россия во мгле»). Сейчас по адресу ул. Миллионная, 27 находится гостиничный комплекс «Наука» АН РАН.

³⁰ В Москве Маккей общался с рядом крупных партийных и государственных деятелей СССР, в том числе с Л. Троцким. Троцкий вдохновил К. Маккея написание публицистической книги «Негры в Америке», изданной в СССР в переводе П.Ф. Охрименко в 1923 г. (*Мак-Кэй К. Негры в Америке. М., Пг.: Госиздат, 1923*). В эту книгу вошло письмо Троцкого «дорогому товарищу Маккею» – ответы на вопросы Маккея о положении черной расы в современном мире. Книга была издана на русском языке, а английский оригинал был утрачен. Обратный перевод на родной язык автора был сделан только в конце 1970-х и издан в США: *McKay C. The Negroes in America*, transl. R.J. Winter, ed. A.L. McLeod. New York: Kennikat Press, 1979.

³¹ Клавдия Ивановна Николаева (1893–1944) – революционерка, советский партийный и профсоюзный деятель. Родилась в Петербурге в семье рабочего и прачки. Член РСДРП с 1909 г. До 1917 г. трижды арестовывалась и была отправлена в ссылку. В 1917–1924 гг. была членом редколлегии журнала «Работница» (осн. 1917), в 1918–1924 – зав. Женским отделом (Отделом работниц и крестьянок) и Агитационно-пропагандистским отделом Петроградского губернского комитета РКП(б). В середине-второй половине 1920-х была членом ЦК РКП(б), затем – зав. отделом Агитации ЦК ВКП(б) (1930–1933), награждена Орденом Ленина (1930). Маккей побывал в обоих отделах, подведомственных К.И. Николаевой.

³² Рис с горохом (*rice-and-peas*) – традиционное блюдо в странах Карибского бассейна: рис с бобовыми (фасоль, голубиный горох), приправленный специями, иногда с добавлением мяса.

³³ Вторым афроамериканским делегатом IV Конгресса Коминтерна был уроженец Суринама, чернокожий делегат от компартии США Отто Хьюисвуд (*Otto Huiswoud*, 1893–1961); как и Маккей, он был членом ассоциированной с американской компартией левой организацией «Африканское кровное братство». Хьюисвуд вступил в Рабочую партию Америки (такое название носила легальная часть компартии США) летом 1922 г. Оба негритянских делегата – и коммунист Хьюисвуд, и «сочувствующий» Маккей – выступили на Конгрессе с речами по негритянскому вопросу, который был внесен в повестку Конгресса. Хьюисвуд был зарегистрирован и выступал на Конгрессе под именем Дж. Биллингс. Тексты выступлений Хьюисвуда и Маккея были напечатаны в органе Коминтерна «Инпрекоре» (*Report on the Negro Question. Billings. McKay // International Press Correspondence. Vol. III. No 2. 5 Jan. 1923?* pp.14–17), а резюме выступлений помещены также и в центральной советской прессе (Негритянский вопрос. Доклад т. Биллингса. Речь т. Маккея // *Известия*. 1922. 26 ноября 1922 г.; *Правда*. 26 ноября 1922 г.). Обоих негритянских делегатов сделали почетными членами Московского Совета (см.: *Turner J.M. Caribbean Crusaders and the Harlem Renaissance. Champlain, IL: University of Illinois Press, 2005, pp. 107, 109*).

³⁴ АРА, Американская администрация помощи (*American Relief Administration, ARA*) – гуманитарная организация, созданная в 1919 г. во исполнении принятого Сенатом США закона о помощи голодающим в Европе (1919). Руководителем АРА был назначен Герберт Гувер. 20 августа 1921 г. в Риге был подписан договор о помощи голодающим в Советской России (от РСФСР его подписал наркоминдел М.М. Литвинов). «Высокопоставленный работник АРА», о котором говорит Маккей, – это Сперджен Мильтон Кини-старший (*Spurgeon M. Keeny Sr., 1893–1988*), американский участник (консультант, советник, руководитель) программ помощи, трудничавший на протяжении всей своей жизни с разными американскими и международными гуманитарными организациями. Уроженец Шрусбери, шт. Пенсильвания, С. Кини окончил Геттисбери-колледж, затем учился в Оксфорде, где получил степень магистра литературы. В конце Первой мировой войны участвовал в гуманитарной миссии YMCA при британской армии, затем – в лагерях для военнопленных на советско-польской границе и при Чехословацком корпусе в Сибири. В 1922–1924 гг. работал в Американской администрации помощи в СССР: в его обязанности входило обеспечение интеллигенции гуманитарной помощью (продукты, денежные пособия). Корней Чуковский подружился с С. Кини и его женой: бывал у них в гостях, приглашал их на разные культурные и научные акции, ходатайствовал о выделении помощи особо нуждающимся коллегам по цеху. См.: *Чуковский К. Дневник. Т. 1: 1901–1929. М.: Сов. писатель, 1991. С. 235–236, 260–261*.

³⁵ Корней Чуковский с 1901 г. начал печататься в газете «Одесские новости», а в 1903–1904 гг. был корреспондентом «Одесских новостей» в Лондоне, куда отправился вместе с женой. Кроме «Одесских новостей», статьи Чуковского об Англии публиковались в «Южном обозрении» и в некоторых киевских газетах. Но гонорары из России поступали нерегулярно, а затем и вовсе прекратились. Отправив жену обратно в Одессу, Чуковский подрабатывал перепиской каталогов в Британском музее и одновременно основательно ознакомился с английской литературой, читая в подлиннике Шекспира, Диккенса, Теккерея, Браунинга, Суинберна и мн. др.